

К 1286188

Юрий Шумаков

ПРИСТАТЬ БЫ МНЕ
К РОДНОМУ БЕРЕГУ...

25.2. ¹⁰⁰⁰¹ ~~Учредитель~~
2 10.10 25003

3 10/10/20
12.01.71 - ~~Учредитель~~
19.05.15 - ~~Арендатор~~
2 05.2024

Выходные
от имени
И.И. БИ

Сумма прописью
Дата получения товара
Назначение платежа
Суммы товарных документов

Юрий Шумаков

ПРИСТАТЬ БЫ МНЕ
К РОДНОМУ БЕРЕГУ...

Игорь Северянин и его окружение в Эстонии

СОЮЗ СЛАВЯНСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ И
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ В ЭСТОНИИ.

ТАЛЛИНН

1992

K1 286188

ЭСТОНИЙСКАЯ

ТАЛЛИНН

83.3(2=Р44) 6-8

Ш96

83.3(2=Р44) 6-8 ^{+ кр} Северянин
На обложке

Портрет Игоря Северянина работы Бориса Линде

© Ю. Шумаков
Редактор В. Банникова.
Корректор Е. Елифёрова.
«Октобер». 1992. Заказ 871/86.

Летом 1930 года тогдашний полпред Советского Союза в Эстонии Федор Федорович Раскольников (Ильин) навестил в Тойла домик Северянина. Рассказывая мне об этом визите, Игорь Васильевич посетовал: «Между прочим, мне был задан вопрос: кто я — беженец или эмигрант? На что я ответил: «Прежде всего, я не эмигрант и не беженец. Я просто дачник, дачник с 1918 года...»

Эти слова Игоря Северянина в какой-то мере соответствуют истине.

Игорь Васильевич Лотарев (таково настоящее имя поэта) родился 16 мая 1887 года в Петербурге. Образование будущий поэт получил в Реальном училище в Череповце. Лет восьми от роду он стал писать стихи.

В автобиографической справке одного из сборников поэт лаконично сообщает о себе и своих родителях. «Мать — Наталия Степановна, рожденная Шеншина, дочь предводителя дворянства Щигровского уезда Курской губернии». Кстати, из этого рода вышли многие военачальники, люди искусства, в родстве с поэтом Н. М. Карамзин, а также лирик А. А. Фет-Шеншин. «Отец — Василий Петрович, отставной штабс-капитан 1-го железнодорожного батальона (ныне полка), скончался в мае 1904 года в Ялте 44-х лет...»

Связи семьи Лотаревых с эстонским краем восходят к семидесятым годам прошлого столетия. Отец поэта, его брат Михаил и сестра Елисавета, заботами бабки Игоря — Пелагеи Леонычевны, обучались в ревельском (таллинском) пансионе. Мать поэта проводила летние месяцы с сыном на великолепном эстонском курорте Гунгербург.

Впервые Северянин посетил поселок Тойла, расположенный на северо-восточном побережье Эстонии, в 1912 году. В последующие два года Игорь Северянин бывал у писателя Федора Сологуба, снимавшего здесь дачу. В дальнейшем Игорь Васильевич жил в Тойла в летние месяцы, отдыхая от своей литературной деятельности и гастролей, составляя планы будущих поездок.

В 1918 году жизнь в Петрограде была не из легких. Игорь Васильевич, вспомнив о полюбившемся ему местечке, перевозит туда больную, престарелую мать. Здесь он и застрял в период немецкой оккупации. А после образования Эстонской Республики поэт оказался за пределами родины, в эмиграции, со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Дом. И. Северянина в Тойла.

К «эстонскому» периоду имя Северянина как поэта было довольно-таки известно. Сборник его стихотворений «Громокипящий кубок» (1913 г.), который предворяет восторженный отзыв Ф. Сологуба об авторе, сразу обратил на себя внимание читающей России. Сборник выдержал десять изданий. Общий тираж для того времени был астрономическим... Имя поэта было у всех на устах.

В 1916 году вышла книга «Кригика о творчестве Игоря Северянина», где опубликованы статьи видных деятелей русской литературы. Здесь, как в причудливой мозаике, сочетались восторженные «за» и категорические «против».

Теперь, когда стихотворения Игоря Северянина выходят массовыми тиражами, читатель сам может составить о них представление. Любопытно, однако, познакомиться и с высказываниями о поэте таких литературных авторитетов, как Федор Сологуб, который писал: «Когда возникает поэт, душа бывает взволнована». Или Валерия Брюсова, в специальном эссе которого встречаем такое высказывание: «... Не думаем, чтобы надо было доказывать, что Игорь Северянин — истинный поэт. Это почувствует каждый, способный понимать поэзию, кто прочтет «Громокипящий кубок»... Первый признак поэта — умение передавать, рисовать то, что он видит. Поэт обладает способностью подмечать такие черты в окружающем, которые одни воссоздают всю картину в воображении читателя».

О своеобразии поэзии Игоря Северянина писал и Н. С. Гумилев, критик, совсем не склонный к комплиментарности.

Славе поэта во многом способствовал и его исполнительский дар. Ведь, по сути дела, Игорь Северянин — один из основоположников русских реситалей — авторских читок перед многотысячной аудиторией. Вечера поэта проходили с огромным успехом не только в Петербурге, Москве или Киеве, но и в самых отдаленных городах России. До Северянина таких массовых выступлений не было.

Вспоминая былое, Борис Пастернак отмечает: «... На эстраде до революции соперником Маяковского был Игорь Северянин...»

В феврале 1918 года в Москве Игорь Северянин принимает участие в торжественно обставленных выборах «короля поэтов» в Политехническом музее. опередив многих претендентов на «престол», в том числе и В. Маяковского, он большинством голосов избран «королем поэтов». Когда Северянин заявляет:

«... Я повсеградно озкранен,
Я повсесердно утвержден...»

— это не пустое самовосхваление, это констатация факта.

Вообще, в мемуарах писателей, повествующих о литературной жизни начала века, немало говорится об Игоре Северянине.

Внешний облик поэта запечатлели многие портретисты, среди них С. Сорин. Книги поэта иллюстрировались Д. Митрохиным, Н. Кульбиным, К. Богуславской, А. Гриневым и многими другими талантливыми художниками.

Композиторы, и среди них С. В. Рахманинов, положили на музыку стихотворения И. Северянина.

Интересны словесные портреты, написанные В. Рождественским и А. Формаковым, близко знавшими поэта.

Словом, популярности Игорю Северянину было не занимать.

Кто знает: на какой срок задержался бы Игорь Северянин в Эстонии, если бы не одна встреча... О ней подробно рассказывал мне в восьмидесятые годы житель Тойла — Рудольф Лейвальд: «В помеще-

Игорь Северянин. 1911 г.

нии нашей пожарной команды выступала, среди других, моя соученица по прогимназии Фелисса Круут. Она еще на школьной скамье выделялась своим пристрастием к поэзии... На вечере Фелисса читала стихотворение эстонского писателя Фридеберта Тугласа «Море» и лирические отступления из повести Н. В. Гоголя. Ей много рукоплескали, по окончании выступления к юной чтице подошел знаменитый русский поэт, хорошо известный в Тойла... Он выразил свое восхищение ее исполнением».

«Затем, — продолжал свой рассказ Р. Лейвальд, — поэта и дочь

тойлаского плотника Ф. Круут стали часто видеть вместе в парке Ору на берегу Пюхайыги (Святой реки), над которой высился бело-мраморный дворец миллионера Елисеева.

Вскоре Игорь Васильевич делает Фелиссе Круут предложение. 21 декабря 1921 года Игорь Васильевич Лотарев и Фелисса Михайловна Круут повенчались в Тарту.

Несмотря на оккупационный режим и сменившее его военное положение, культурная жизнь в Эстонии в 1918—1919 гг. была чрезвычайно активной. В нее включился и Северянин.

«Петербургский дачник» (так в Тойла называли Игоря Северянина) неотрывно следит за событиями в России и мире. Поэта многое волнует. Многого он не понимает. Но Северянин ощущает: пострадавшую родную страну хочет вывести из войны В. И. Ленин. И поэт посвящает ему стихотворение

ПО СПРАВЕДЛИВОСТИ

Его бесспорная заслуга
Есть окончание войны.
Его приветствовать, как друга
Людей, мы искренне должны.

Я — вне политики, и, право,
Мне все равно, кто б ни был он,
Да будет честь ему и слава,
Что мир им первым заключен...

Под стихотворением стоит дата его написания — май 1918. Опубликовано оно на стр. 60 книги И. Северянина «Вервепа», выпущенной в 1920 году эстонским издательством «Одамеэс» в Тарту.

2 февраля 1920 года в Тарту был подписан мирный договор между Советской Россией и Эстонской Республикой. У Северянина восстановились многие старые контакты и завязались связи с зарубежными литературными кругами.

Небезынтересны раздумья Северянина о политических деятелях Советской России. О многих из них он отзывался весьма целестно, считая их «редисками»: сверху красные, а внутри белые...

КРАШЕННЫЕ

Сегодня «красные», а завтра «белые» —
Ах, не материи! ах, не цветы! —
Людишки гнусные и озверелые,
Мне надоевшие до тошноты.

Игорь Северянин и Фелисса Крут. 1930 г.

Сегодня пошлые и завтра пошлые,
Сегодня жулики и завтра те ж,
Они бывалые, пройдохи дошлые,
Вам спровоцируют любой мятеж.

Идеи вздорные, мечты напрасные,
Что в «их» теориях — путь к Божеству.
Сегодня «белые», а завтра «красные», —
Они бесцветные по существу.

Братоубийственная резня ужасала поэта, и во «Втором пришествии» он говорит:

«...Враги — все темные, чьи чувства зло шершавы»

.....
Не чернотунных, белотелых генералов,
Не интервенцию зову на помощь я...

Игорь Северянин пытается понять новую Россию, разгадать ее:

На восток, туда, к горам Урала,
Разбросалась странная страна,
Что не раз, казалось, умирала,
Как любовь, как солнце, как весна.

И когда народ смолкал сурово
И, осиротелый, слеп от слез,
Божьей волей воскресала снова —
Как весна, как солнце, как Христос!

Россия — родина. Что же там происходит, что ждет страну...

О России петь — что стремиться в храм
По лесным горам, полевым коврам...

О России петь — что весну встречать,
Что невесту ждать, — что утешить мать...

О России петь, что тоску забыть,
Что Любовь любить, что бессмертным быть!

Неужто, однако, это — «царство балагана»? Ответствуй,
родная страна:

Целый мир тебе дивится,
Все не может разгадать:
Ты гуляющая девица
Или Божья благодать?

Болью пронизаны строки о милом отчем крае:

СЛОВА СОЛНЦА

Много видел я стран и не хуже ее —
Вся земля мною нежно любима.

Но с Россией сравнить?.. с нею сердце мое,
И она для меня несравнима!

Чья космична душа, тот плохой патриот:
Целый мир для меня одинаков...
Знаю я, чем могуч и чем слаб мой народ,
Знаю смысл незначительных знаков...

Осуждая войну, осуждая погром,
Над народностью каждой насилье,
Я Россию люблю — свой родительский дом —
Даже с грязью со всею и пылью...

Эта тема повторяется в целом ряде стихотворений Северянина.

Поэт грезит о мире, о жизни, нашедшей свое русло, о том, когда русские люди на родине будут снова писать стихи, сочинять музыку, создавать картины...

«Надпартийный» Игорь Северянин, раздираемый противоречиями, создавал в маленьком селении Тойла ни с чем не сравнимые по искренности стихи.

БЫВАЮТ ДНИ

Бывают дни: я ненавижу
Свою отчизну — мать свою.
Бывают дни: ее нет ближе,
Всем существом ее пою.

.....
Как снег — миндаля. Миндальны зимы.
Гармошка и колокола.
Дни дымчаты. Прозрачны дымы.
И вороны, — и сокола.

Слом Иверской часовни. Китеж,
И ругань — мать, и ласка — мать...
А вы-то тщитесь, вы хотите
Ширококрайнюю объять!

Я — русский сам, и что я знаю?
Я падаю. Я в небо рвусь.
Я сам себя не понимаю,
А сам я — вылитая Русь!

Под этим стихотворением дата: Ночь под 1930 год.

Невольно вспомнилось мне: в Москве, в дни второй мировой войны, расспрашивавший меня об Игоре Северянине Борис Пастернак читал мне наизусть это стихотворение, опубликованное в Белграде в 1931 году.

Борис Леонидович вообще неплохо знал «зарубежного Северянина». Вспоминая их встречи в Берлине, признавался, что стихотворения Игоря Северянина оказали на него сильное влияние, особенно на поздние его произведения. Искренне восхищался стихотворением «Моя безбожная Россия».

Б. Л. Пастернак убеждал меня написать воспоминания об Игоре Северянине. Ведь не только творчество, но и жизнь поэта в Эстонии мало изучены, а его стихотворные произведения после 1918 года почти неизвестны широкому кругу читателей.

Автору этого очерка — первому в Советском Союзе — посчастливилось опубликовать мемуарный очерк о своих встречах с Игорем Северяниным в Прибалтике («Звезда», № 3, 1965 год).

Нелегко было тогда проторить дорогу, помочь литературоведам публиковать статьи об Игоре Северянине, о его «эстонском» творчестве в те, как ныне говорится, «застойные годы». Особенно рьяно обрушивалась на смельчака, посмевшего нарушить табу, «Литературная газета», хотя, казалось бы, посвящее такое наименование издание должно было радеть о благе русской культуры. И коль так сложно было поместить что-либо об Игоре Северянине, тем паче — опубликовать хоть строчку об его «окружении».

Замечено: к собиранию материалов приступают зачастую тогда, когда проходит слишком много лет со дня кончины творческой личности, когда из жизни давно ушли его друзья, да и просто современники.

Сколько трудностей пришлось претерпевать, например, первому биографу Михаила Юрьевича Лермонтова П. А. Висковатому...

— Эк, куда хватил! — воскликнут гонители Игоря Северянина...

Не пора ли — подумалось мне в феврале 1989 года — записать, пока не поздно, воспоминания об Игоре Северянине и его окружении в эмиграции? Ведь не в безвоздушном же пространстве парил он два последних десятилетия своей жизни. Но такая задача, пожалуй, не под силу в моем возрасте. Для того, чтобы ее выполнить, надо пройти путями поэта: побывать в Париже, Берлине, Праге, Белграде, Софии, Хельсинки, Бухаресте, Варшаве, Каунасе, Вильнюсе, Кишиневе, Риге... Покорпеть основательно в архивах, книгохранилищах.

Конечно, я был бы в состоянии составить обширный список людей, с которыми общался Игорь Северянин, пересказать со слов поэта о его беседах с Ю. Тувимом, Стукаловым, но ведь надо все уточнить, сослаться на такую-то газету, число, год... Верю, этим займется

Д. Шумаков, близкий знакомый И. Северянина. 1926 г.

молодой, энергичный исследователь, которому будут предоставлены широкие возможности.

Я же сосредоточу свое внимание на «эстонском» периоде и буду говорить о том, чему я сам свидетель или участник. Долг мой — помочь тому, кто возьмет на себя бремя заняться подобного рода исследованиями.

Однако прежде всего расскажу о том, как я познакомился с Игорем Северяниным, что способствовало в дальнейшем развитию добрых отношений с поэтом.

Мой отец — Дмитрий Львович Шумаков на два года старше поэ-

га, он родился в конце 1885 года. Участь на физмате Харьковского университета, он широко сотрудничал в «Приазовском крае», «Таганрогском Вестнике» и др. подобных изданиях. Свой спенический путь начал под руководством Н. Н. Синельникова, с особым успехом выступал в роли Суворова в популярной тогда пьесе «Взятие Измаила».

Летом отец служил в частной антрепризе. Гастролером этой труппы был прославленный трагик Мамо́нт Викторович Дальский.

По окончании университета Дмитрий Львович стал студентом Петербургского электротехнического института. Вместе со своим товарищем Евгением Тарасовым, которого в наши дни принято называть «предтечей пролетарских поэтов», Д. Шумаков издавал журнал «Взатишье». Издательство «Сосны» опубликовало пьесу отца «На аэроплане смекалки».

В рукописном отделе Пушкинского Дома в Петербурге хранится титульный лист романа Дмитрия Шумакова «Фабрика аттестатов» (о царской школе) с его дарственной надписью А. И. Куприну. С Александром Ивановичем отец был дружески знаком, посещал его в Гатчине, также был дружен с Л. Н. Андреевым, плавал с ним на яхте, ездил к нему в Финляндию. С его старшим сыном Владимиром Леонидовичем я был в переписке. Из Женевы он прислал мне свою книгу «Детство».

Отец мой встречался с Игорем Северяниным в Петербурге.

Будучи в двадцатые годы преподавателем математики и физики в Тартуской (Юрьевской) русской гимназии, Д. Л. Шумаков продолжал свою литературную и театральную деятельность, режиссировал и выступал на сцене. Между прочим, Дмитрий Львович первым поставил в Эстонии «Дни Турбиных» М. А. Булгакова.

Страстный театрал, Игорь Северянин часто посещал нашу семью, гостил у моих родителей, встречался у нас с видными литераторами и актерами.

Припоминаются первые встречи, впечатления о нем.

В летние сезоны мой отец гастролировал в Парва-Йыэсуу (Гунгербург, Усть-Нарва). Однажды мы отправились с ним побродить у реки. Любуясь своенравной Наровой в том месте, где в нее впадает Россонь — полноводное колено реки Луги, — я заметил лодку, а в ней рыболова. Словно священнодействуя, он весь отдался своему занятию... Внезапно человек в лодке выхватил из кармана какую-то книжицу и принялся с лихорадочной поспешностью что-то записывать. Перехватив мой взгляд, отец промолвил: «Это — Игорь Северянин».

И еще. Сажу как-то на крыльце дачи, которую мы снимали. Из проулка показался человек. Лицо его, изрезанное глубокими морщинами, чем-то напоминало облик индейского вождя... Не хватало лишь пера в черных, как смоль, волосах.

Групповая фотография. 1940 г. Таллинн.

Слева направо: Д. Шумаков, В. Адамс, А. Раппит (А. Доманев),
Игорь Ссверянин, Г. Фейннер, Ю. Шумаков, Н. Стоянов.

Между отцом и гостем завязалась оживленная беседа. Затем Игорь Северянин стал читать только что сочиненные стихотворения. Звучание строк взволновало меня, словно рокот Нарвского водопада, который я всегда любил слушать.

Очень рано я стал «артистом». Моими партнерами были прославленные на всю Россию актеры: Е. А. Полевичкая (известная зрителю по кинокартине «Пиковая дама»), Е. Т. Жихарева (она также запечатлена в роли матери Каренина в фильме «Анна Каренина»), М. А. Ведринская, С. Р. Арбенина и многие другие мастера русской сцены.

Игорь Северянин, приехавший в Тарту по литературным делам (здесь были издательства, выпускавшие его книги, «Одамеэс», В. Бергман), давал «поззоконцерты», здесь жили его верные друзья.

Уцелел в моей памяти такой эпизод в связи с пребыванием в артистической Игоря Северянина. Дитя кулис, я только что «отколол» очередной номер...

Шла поставленная отцом инсценировка «Анны Карениной». Главную роль исполняла писаная красавица Стэлла Арбенина.

Близился последний акт, в котором мне вновь надлежало появиться в роли Срежи.

Внезапно я заявил за кулисами: «Больше я не играю. Надосло! Пойду домой спать».

Положение актеров было безвыходное: где найдешь мальчика, готового пойти тут же на сцену...

Меня принялись дружно уговаривать. Тогда я выставил такой «ультиматум»: завтра, в воскресенье, ровно в полдень Стэлла Романовна отправится со мной к «Вэрнеру» (известное тартуское кафе). Баронесса меня поцелует при всех в первом зале, и я буду тянуть через соломинку лимонад, засая его александровскими пирожными.

Между тем, пора было идти на сцену, Арбенина приблизилась ко мне и, поцеловав, промолвила: «Вот тебе, Юрик, аванс».

Гордый удачей своей затем, я победоносно оглядел артистическую.

— Ше-де-враль-но!.. — раскатисто расхохотался сидевший неподалеку от меня Игорь Северянин.

Тогда я не знал, что поэт еще в Петрограде восхищался Стэлла Арбениной — одной из звезд Народного Дома.

Только через много лет я прочел в томике Игоря Северянина «Соловей» стихотворение «Стэлла» с таким подзаголовком: баронессе С.Р.М. —...

Думаю, сейчас вряд ли кто расшифрует эти инициалы. Стэлла Романовна Арбенина, сочетавшаяся браком с остзейским аристократом бароном фон Мейсндорфом, носила фамилию мужа, артистическое же ее имя — Арбенина.

ИГОРЬ СЪВЕРЯНИНЪ.

РОЯЛЬ ЛЕАНДРА. (LUGNE).

РОМАНЪ ВЪ СТРОФАХЪ.

ИЗДАНИЕ АВТОРА.

Милу Игорю Д. Савревичу
иъ члену сдружени
раскольника
РУМЫНІЯ. илюстр.
Бухарестъ. Fallin.
1941.
1935 г.

Автограф Игоря Ссверянина Ю. Шумакову (книга «Рояль Леандра»).

Итак, посвящение баронессе Стэлле Романовне Мейендорф началось четырехстишием:

Сначала баронесса Стэлла
Прочла: «Вы лжете мне, мечты!»
Потом из Грига мне пропела
Во имя только Красоты...

и кончалось двухстрочием:

А если б вышел я из роли
И женщину увидел в ней...

Арбенину воспевал и друг Игоря Северянина Б. В. Правдин:

...Смеется взрывно, как демимонденка,
Как герцогиня руку подает...

Покинув Прибалтику, С. Р. Арбенина поселилась в Англии — родине своей матери. Она играла на английской сцене, снималась и в Голливуде.

В 1935 году вышел написанный онегинской строфой роман в стихах Игоря Северянина «Рояль Леандра». Поэт преподнес его мне в 1941 году с такой дарственной:

«Милому Юрию Дмитриевичу Шумакову с запоздалой ласковостью»
автор

Этот подарок был повторный: поэт, видимо, позабыл, что прислал мне «Рояль» в 1936 году.

Вторая часть произведения — можно сказать, панорама художественной жизни России в канун первой мировой войны.

Особое место в этой главе отведено театру:

... И чайка вьет на Офицерской
Свое бессмертное гнездо!
Патент Александришке выдав
На храм, своей игрой Давыдов,
Долматов, Ведринская жнут
Успехи вековых минут.
И на капустник дяди Кости —
Утонченного толстяка
Течет поклонников река —
Смех почитающие гости,
Где злоязычная Marie
Всех ярче, что ни говори!

В этой строфе названы имена корифеев русской сцены.

Знаючу ясно, что Magic — это Мария Гавриловна Савина, «дядя Костя» — отличавшийся непомерным дородством Константин Варламов и т. д. и т. п.

Но в «Театральной энциклопедии» о Марии Андреевне Ведринской данных не почерпнуть, так же, как в «Музыкальной энциклопедии» не упоминается Зинаида Юрьевская — примадонна Мариинского театра, а затем одна из ведущих певиц Берлинской оперы...

Между тем, М. А. Ведринская после Александринки много выступала в Прибалтике, она превосходно читала Пушкина со сцены; Зинаида Юрьевская и Мария Ведринская — обе были почитательницами таланта Игоря Северянина и часто встречались с ним. (Кстати, Юрьевская — псевдоним Ленкиной, уроженки города Юрьева — Тарту.)

Помню, давали пьесу Т. Л. Щепкиной-Куперник «Флавия Тессини», где я появлялся на сцене со словами: «Хочу быть шофером» (или что-то в этом роде). Игорь Северянин зашел после спектакля в артистическую, поцеловал великолепной актрисе руку, а затем, взглянув на меня, сказал с улыбкой: «Благодарю достойного партнера...»

В наследии Игоря Северянина десятки посвящений признанным актерам, певцам, в романе в стихах «Падучая стремнина» много описаний спектаклей, концертов. Я уже называл «Рояль Леандра» — роман этот ярчайшее свидетельство любви Игоря Северянина к сценическому искусству.

Необходимо сказать хотя бы два слова об актрисе, сыгравшей известную роль в жизни Игоря Северянина, читавшей с большим успехом его стихи, встречавшейся с поэтом в Петербурге, Берлине и Прибалтике. Это — Ольга Гзовская.

Выступления актрисы и ее мужа — красавца, короля немого кино Владимира Георгиевича Гайдарова — сопровождались овациями, и Игорь Северянин преподнес Ольге Владимировне «подарок по средствам» — сонет.

...Ее раздольный голос так стихиец,
Крылат, правдив и солнечно-звеняц,
Насыщен Русью весь — он ороссиец.

При голосе таком глаза такие, —
Нежней лазури и прохладней чащ...

Ольга Гзовская и Владимир Гайдаров в своих воспоминаниях также рассказывают о встречах с Игорем Северяниным.

О. В. Гзовская выступала в Латвии, а через неделю там был анонсирован «поэзоконцерт» Игоря Северянина. Однако латвийские вла-

сти запретили выступление поэта под предлогом, что Гзовская и другие знаменитости слишком много вывезли валюты... Игорь Васильевич откликнулся на этот запрет язвительным стихотворением в адрес правительства Латвии.

Моим родителям запомнился любопытный рассказ Ольги Гзовской о встрече с Маяковским. «Иду, — повествовала у нас Ольга Владимировна, — по Невскому. Вдруг появляется Маяковский со своими друзьями, которым он громоподобно возвестил: «Вот актриса Гзовская, она сейчас читает стихи Северянина со сцены, но будет читать — мои...» При чем поэт ударил себя кулаком в грудь».

Мы жили в Тарту на тихой Пасторатской улице, упиравшейся в тенистый сад Немецкого театра, в помещении которого выступала русская труппа.

В саду был пруд, на нем островок, мостик вел к беседке. Однажды, когда я гулял по саду, мне послышались громкие возгласы: казалось, вот-вот кто-то набросится на противника. Удивленный, подошел я поближе и увидел, что, взволнованно жестикулируя, о чем-то спорят Игорь Северянин и критик Петр Пильский.

Осанистый, горбоносый, в пенсне, Пильский говорил всегда нарочито громко и с огромным апломбом.

П. М. Пильского до революции знала вся читающая Россия, его остроумные фельетоны и очерки публиковались в крупнейших изданиях. Литературовед представлял слушателям молодых поэтов (о чем писал с долей преувеличения В. П. Катаев).

В Риге Пильский возглавлял художественный отдел крупной газеты «Сегодня», в которой печатались И. А. Бунин, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, И. С. Шмелев, А. В. Амфитеатров, Б. К. Зайцев, В. Набоков, Н. А. Тэффи и многие другие писатели российского рассеяния. Пильский охотно помещал в «Сегодня» стихотворения Игоря Северянина.

Петр Пильский — автор доброй дюжины статей об Игоре Северяnine, очерка «На тихом озере». Критик рассказывает о своем пребывании в гостях у Северянина на берегах Уляесте, где поэт иногда жил и любил ловить рыбу.

Несмотря на то, что Игорь Васильевич и Пильский приятельствовали, я часто бывал свидетелем поединков этих замечательных фехтовальщиков на словесных рапирах.

Еще ожесточеннее вспыхивали ссоры, когда к нам заходил поэт «круга Северянина» Иван Дмитриевич Беляев. Невысокого роста, с черной повязкой на глазу, редкостный диалектик, Иван Дмитриевич был театральным критиком, он высоко ценил сценический талант своего отца и дружил с ним.

В Тарту у И. Д. Беляева была репутация «красного», он привлекался к суду по шумному процессу профсоюзников. Сидя в тюрьме,

Беляев написал памфлет «Банкротство нашей критики», который был затем опубликован под псевдонимом Иншо Васък.

Иван Дмитриевич — участник альманаха «Via Sacra». Его стихи печатались рядом с комедиями Игоря Северянина. Беляев — также автор книги стихов «Прокаженный перст».

В моей памяти встают строки крамольного поэта:

Я плюю на все. Спокоен. Не завидую живущему брату
.....
Вижу солнце стрижет золотыми ножницами цветы
.....
Вот именно такие-то мне и правятся,
Грудастые,
Крепкомясые
с запахом здорового пота.
.....
В берлоге
Буду тревожно зализывать
Светлую рану любви.

Внезапно Беляев как в воду канул. Только потом мы узнали, что он нелегально перешел советскую границу, что он прятал от охранки Эстонии революционера-подпольщика Х. Хейдемана.

Конечно, ступив на советскую землю, И. Д. Беляев угодил тут же в «фильтр». Затем, как «эстонский шпион» или некто в этом роде, поэт был милостиво сослан в Воронеж... Не знаю, встречался ли он здесь с О. Э. Мандельштамом, но это весьма вероятно.

Воронежский писатель, автор дилогии о Кольцове и Никитине Владимир Алексеевич Кораблинов в книге «Азорские острова» (Воронеж, 1977) описывает приезд В. Маяковского в Воронеж и его выступление в местном театре, после чего состоялась встреча с воронежскими литераторами. В. А. Кораблинов вывел в своих мемуарах Ивана Беляева под именем «заезжего поэта».

Точная дата смерти И. Д. Беляева нам не известна, но человек такой биографии должен был неизбежно сгинуть в 1937 году в пучине одного из «сталинских курортов».

30 января 1989 года в Эстонии широко отмечалось девяностолетие другого поэта, которого в былые дни также причисляли к окружению Северянина. Это известный эстонский писатель Вальмар Теодорович Адамс, в начале своего литературного поприща писавший по-русски.

В альманахе «Via Sacra» был помещен цикл стихотворений Владимира Адамса-Александровского, как тогда подписывался Вальмар Адамс.

Поэт Б. Правдин, друг И. Северянина.

Кос-какие строки помнятся и мне:

Ты укради и от весенней девы,
От дикаря порывного в шерсти
И от стихов хрустального напева
Все укради!

.....
В моей крови ведут извечный танец
Ярильный, светозарный славянин,
Надменный швед, стремительный германец
И хмурый одинокий финн.

В. Адамс много лет был доцентом Тартуского университета, он автор книги «Русская литература — моя любовь». В ней две статьи об Игоре Северяnine.

Книгу «Громокипящий кубок» в двадцатые годы Игорь Северянин подарил В. Адамсу с такой надписью: «Дерзновение любящему — потому симпатичному мне, изначальному дерзняку».

В романе «Эста вступает в жизнь», изданном в 1978 году, Валь-

Успенский собор в Тарту, где венчался Игорь Северянин.

мар Адамс списывает выступление Игоря Северянина в начале 1920 года в парадном зале Тартуского университета.

На моей книжной полке два объемистых тома превосходного русско-эстонского словаря, изданного при участии Бориса Васильевича Правдина.

Если В. Адамс создает образ Игоря Васильевича в романе, то Правдин, также поэт «круга Северянина», свое отношение к нему выражает в стихотворной форме:

С тех пор как Игорь Северянин
Наш тихий город посетил,
Грущу о нем, раздумьем ранен,
Как я давно уж не грустил.
.....
Как были холодны колонны,
Старинно-строгий белый зал,
Когда Ваш голос тайно-стопный
То пламенел, то угасал...

На эти строки Северянин откликнулся стихотворениями: «И тогда», «Рондо Б. В. Правдину», «На озере Ульясте» и др.

Правдин выступал в Тарту с чтением своих стихов совместно с Игорем Северяниным.

Борис Васильевич был шафером на венчании Игоря Северянина. Накануне Игорь Васильевич навестил моих родителей, пригласив их в Успенский собор. Увидев меня, поэт воскликнул: «А Юра будет мальчиком с иконой».

Об этом венчании у меня сохранилось одно, я бы сказал, забавное воспоминание. Игорь Северянин отличался высоким ростом, под стать ему была и невеста Фелисса Михайловна Круут. Ее шафер — известный эстонский поэт-сатирик Аугуст Алле, человек среднего роста, явно утомившись, надел невесте на голову венец. Игорь Северянин впоследствии говаривал: «Эстонский поэт венчал на царство мою Фелиссу в Успенском соборе».

Прошел год, и у этой четы родился сын. Священник, крестивший мальчика, был несколько смущен именем «Вакх», выбранным родителями. «Но ведь это нечто нехристианское, — пытался возразить протоиерей Павел Поска, — Вакх — имя языческое, античного бога вина и любви...» Не тут-то было! Игорь Васильевич достал старинные святыцы и указал на подчеркнутое им имя мученика Вакха. Нечего делать, священник окрестил Вакха Игоревича Лотарева — единственного сына Игоря Северянина, родившегося 1 августа 1922 года.

Несколько слов о «четырех Борисах».

Тартуская (Юрьевская) русская гимназия, которую я окончил,

Открытка — поздравление Вакху Лотареску.

«дала миру», как тогда любили витиевато вещать, несколько даровитых поэтов. Кстати замечу, русский язык и литературу преподавала нам внучка знаменитого слависта Измаила Ивановича Срезневского — Ниша Борисовна.

Еще на школьной скамье Борис Нарциссов писал стихи. Он окончил Тартуский университет и ему была присвоена ученая степень магистра химии. В период второй мировой войны Борис Николаевич перебрался в США, много там печатался.

Борис Вильде — также один из воспитанников нашей гимназии в Тарту — всемирно известен в качестве героя движения французского Сопротивления. Борис был белокур, голубоглаз, статен — воплощенный Зигфрид. Внешность благоприятствовала той опасной роли, которую он на себя добровольно взял в оккупированном фашистами Париже, куда Б. В. Вильде перебрался вскоре по окончании Тартуской русской гимназии. Облаченный в мундир СС, он разъезжал в автомобиле, разбрасывая антигитлеровские листовки. Впоследствии Борис Владимирович был схвачен гестапо, брошен в застенок и расстрелян.

В наши дни поэты посвящают Б. Вильде стихи, композиторы —

музыку, драматурги — пьесы, кинематографисты — фильмы. В Тарту в театре «Ванемуйне» был поставлен даже балет, в основу которого положены эпизоды из жизни Вильде.

В Париже в память о Борисе Вильде установлена мемориальная доска. В Тарту к зданию нашей бывшей гимназии также прикреплена памятная доска, гласящая о том, что здесь, в такие-то годы, учился герой французского Сопротивления Б. В. Вильде.

Но мне вспоминается 1937 год. Приехавший в Тарту Борис нанес визит моему отцу — своему любимому учителю. Вильде оживленно рассказывал о встречах с русскими писателями в Париже, читал стихи...

Значительно менее известно, что автор слова «резистанс» (сопротивление), антифашист-подпольщик Борис Вильде писал стихи под псевдонимом Букашин.

Борис Вильде, подобно Борису Нарциссову, был почитателем таланта Игоря Северянина. В письмах к моему отцу из Франции Вильде неизменно осведомлялся о том, что сейчас пишет Северянин, как ему живется.

К тартускому кружку поэтов примыкал Борис Тагто-Новосадов, эстонец по национальности, писавший стихи по-русски. Он автор сборника стихотворений «Шершавые вирши». Борис был арестован органами НКВД и умер в тюремной больнице.

Обилие «Борисов» среди поэтов нашего города (Правдин, Нарциссов, Вильде, Тагто) дало повод местным остроумцам именовать объединение — «Четыре Бориса», хотя в числе молодых литераторов был и Юрий Иваск, племянник известного эскилибрисиста Удо Георгиевича Иваска. Юрий Павлович переписывался с Мариной Цветаевой. Письма поэтессы изданы с его комментариями. Книгу Юрия Иваска «Северный берег» выпустил в свет пражский «Скиг поэтов».

Ю. П. Иваск после второй мировой войны обосновался в США, где печатались его стихи и научные исследования.

Кстати, в Таллине выходил изящно издаваемый альманах «Новь». Здесь стихотворения Марины Цветаевой соседствовали с моими стихами и переводами из эстонских поэтов. В «Нови» печатались стихи Ирбор (псевдоним Ирины Борман). Ирина Константиновна приезжала нередко в Тарту. Игорь Северянин посвятил ей «Стихи горяча».

Русские литераторы Эстонии обычно собирались у Правдина, обладавшего способностью объединять и сплачивать самых различных по своим убеждениям и дарованиям поэтов. Доцент, а впоследствии профессор Тартуского университета Б. В. Правдин — лингвист, эрудит, поэт — пользовался всеобщей любовью и уважением. Его могилу в Тарту, близ Святодухвинского храма, и по сей день посещают его ученики и почитатели.

Борис Правдин жил в старинном, некогда принадлежавшем Де-

рптскому университету доме, местоположение которого описал Игорь Северянин в стихотворении «Барельеф».

По преданию, в этом доме останавливался великий Жуковский. Здесь он по рукописи читал Языкову, Пирогову, Далю еще неведомого России «Бориса Годунова».

«Дом Жуковского», как называли его старожилы, вдохновил Игоря Северянина на стихи. Одно из них обращено ко мне, самому юному из поэтов — гостей Правдина. Насколько мне известно, оно никогда не печаталось при жизни автора. Позволю себе привести его полностью с кратким пояснением.

Первые две строфы — о Жуковском, последняя — обо мне, увлекшемся в те дни литературой Ирана.

Ю. Д. ШУМАКОВУ

Жрец любимый Аполлона,
Маг с возвышенным челом,
Здесь слагал во время оно
Элегический псалом.

Но прошла пора Светланы,
Криолинов и плащей,
Поразвеялись туманы,
Оссиановых почей.

И теперь пиита юный,
Приоткрыв все тот же крап,
Цедит густо, полноструйно
Стих веселый про Иран.

У Правдина бывал и поэт Алексис Раннит, также ученик нашей Тартуской русской гимназии. Уроженец Причудья, Алексей Константинович Долгошев — литературный псевдоним Алексис Раннит — подобно Вальмару Адамсу, начал свою литературную карьеру русскими стихами, но вскоре перешел на писание по-эстонски. А. Раннит много переводил литовских поэтов, он переводчик стихов Игоря Северянина на эстонский язык и впоследствии близко сошелся с поэтом, который в свою очередь перевел две книги Алексиса Раннита на русский язык — «В оконном переплете» и «Via dolorosa» («Скорбный путь»).

Во время второй мировой войны Алексис Раннит выбрался из оккупированной фашистами Прибалтики в США.

Здесь, за океаном, поэт издал несколько сборников стихотворений на эстонском языке, а также искусствоведческих исследований, книгу о художнике Эдуарде Вийральте, «Реквием» А. Ахматовой.

Алексис Раннит умер в начале восьмидесятых годов. В энциклопедии значится: доктор наук пяти университетов США, в том числе таких престижных, как Йельский и Принстонский. Алексис Раннит, живя за океаном, пропагандировал поэзию Игоря Северянина.

В Тарту из Нарвы нередко приезжал писатель Василий Акимович Никифоров-Волгин. Он сотрудничал во многих журналах русского зарубежья, в том числе и в рижских «Перезвонах». В. А. Никифоров-Волгин писал об Игоре Северянине очерки. Незадолго до войны Никифоров был арестован и канул в сталинских лагерях.

Не избегал той же участи и другой поэт, близко знавший Игоря Северянина, — Арсений Иванович Формаков, живший в Двинске (Даугавпиле). Поэт, эссеист, композитор и пианист, А. Формаков гостил в 1926 году у Северянина в Тойла. Фрагмент из его воспоминаний о поэте опубликован в «Звезде», № 3, 1969 г.

Арсений Иванович повествует в своих мемуарах о том же, чему позднее был свидетелем и я. Так же, как и Арсений Иванович, я совершил с Игорем Северяниным паломничество к девичьему Пюхтицкому монастырю.

Сделаю маленькое отступление. Северянин рассказывал, что об этой лесной обители ему поведал Федор Сологуб и его жена, переводчица Анастасия Чеботаревская.

Столетия четыре тому назад эстонские пастухи обнаружили на вершине жертвенного дуба икону. Никто не знал, как и откуда она попала на это могучее дерево. Вскоре сюда стали стекаться паломники, в том числе и из России. В те времена окрестные поля и леса принадлежали эстонским баронам, которым было не по чуту участие коренных жителей края в молебствиях, совершаемых православными пастырями. Недолго думая бароны принялись травить богомольцев, напуская на них свирепых псов. Гонения не прекращались десятилетиями, пока в конце прошлого века губернатор С. В. Шаховской, узнав о бесчинствах, не пришел к мысли купить Журавлиную гору у помещиков и тем способствовать образованию монастыря.

В 1988 году об этой тихой обители был помещен очерк в «Огоньке». Если б автор статьи имел представление о том, что здесь бывал часто Игорь Северянин, что им написано немало строк о Куремязе (Журавлиная гора), стихотворения «На колокола», «Черные и белые», «На монастырском закате», то очерк был бы гораздо полнее и интереснее.

Итак, накануне похода в Пюхтицы мы, вопреки обыкновению, не читали до ночи стихов, не предавались беседе, а шли с «петухами» спать. Встав задолго до рассвета, мы отправились в неблизкий путь. От Тойла до монастыря напрямик 33 версты. «Пешеходства» — любимый вид спорта Игоря Северянина. Шли не быстро, но и не медленно. Иногда останавливались возле уединенных озер, так образно воспетых им в стихах, рыбачили...

Озеро Ульяст.

Засмотревшись в прохладную прозелень
Ключевой и бездонной воды,
Различаешь, как водит по озеру
Окуней в час росы поводырь...

Через широкие протоки и каналы — ведь шли напрямик — переправлялись на старых дощанках, припрятанных в густых зарослях.

Окрестности Куремяэ, изобилующие озерами и лесами, напоминали поэту край его юности. Уроженец Петербурга, Игорь Северянин провел свое детство и отрочество с отцом в Новгородской губернии, ныне Вологодской области, в имении своего дяди, под Череповцом. Здесь он учился в Реальном, здесь приохотил его к рыбалке двоюродный брат — Виктор Журов, впоследствии известный режиссер миланской «Ла Скала» (кстати, его сценическое имя Vittoria Andoga — по названию реки тех мест — Андога).

Воспоминания о жизни в Череповце дали толчок к созданию множества стихов. «Роса оранжевого часа» — поэма детства — пронизана

на любовью к северным рекам и рыбной ловле. В Тойла удочка также была неизменной спутницей поэта. Ее прославлению посвящено немало стихов.

... Эта палочка, тоненькая, как тростинка,
Невесомая, гибка точно мечта,
Точно девушка, — уж непременно блондинка,
Восхитительные мне открыла места!

.....
Уловив окунька, выпрямляется тотчас
И свой стан, легкий свист торжества
Издавая, бросает довольная очень,
Мне добычу, лицо не обрызгав сдва.

Так подруга моя мне даст пропитанье,
Увлекает в природу, дарует мечты,
Оттого-то и люблю мне с нею скитаться
С деревянной служительницей Красоты.

И это — правда. В тяжелые дни безденежья удочка его выручала. Выловленная рыба — это и возможность с чисто русским радушием угостить форелью, хариусом, а то и стерлядкой милых сердцу посетителей дома. Впоследствии же, когда Северянин, живя близ Нарва-Йыэсуу, испытывал материальные затруднения (особенно в последние два года жизни: печатался нерегулярно, помощь со стороны ничтожна), нужда заставляла его ходить по домам богатых дачников и предлагать улов кухаркам.

Мы любимся тихими эстонскими озерами. С удивительной нежностью поэт воспевает озеро Рээк:

Красиво это озеро лесное,
Какая сонь! Какая тишина!
В нем грусть, роднящая его со мною,
И завлекающая глубина...

Не менее прелестны стихи о другом озере — Коппо, о рыболовении.

На озере Коппо, большом и красивом,
Я в лодке вплывал в расплавленный зной,
За полем вдали монастырь над обрывом,
И с берег солнечно пахнет сосной.

Безлюдье вокруг. Все объято покоем.
Болото и поле. Леса и вода.
Стрекозы лазурным проносятся роем.
И ночи — как миги, и дым — как года.

К столбам подплываю, что вбиты издревле
В песчаное, гравием крытое дно,
Привязываюсь и мечтательно внемлю
Тому, что удильщику только дано.

Громадные окуни в столбики лбами
Стучат, любопытные, лодку треся,
И шейку от рака хватают губами:
Вот всосан кусочек, а вот уж и вся.

Прозрачна вода. Я отчетливо вижу,
Как шейку всосав, окунь хочет уйти.
Но быстрой подсечкой, склоняясь все ниже,
Его останавливаю на пути.

И взвертится окунь большими кругами,
Под лодку бросаясь, весь — пыл и борьба.
Победу почувствовавшими руками
Я к борту его, и он штиль всколебал...

Он — в лодке. Он бьется. Глаза в изумленье.
Рот судорожно раскрывается: он
Все ищет воды. В золотом отдаленьи
Укором церковный тревожится звон...

И солнце садится. И встает прохлада.
И плещется рыбой вечерней вода.
И липы зовут монастырского сада,
Где ночи — как миги, — и дни — как года.

Да, подумалось мне, трудно найти подобного русского поэта (разве что С. Т. Аксаков), в произведениях которого так любовно переданы вариации рыбной ловли.

О чем только мы не беседуем с Игорем Васильевичем! Поэт рассказывает о белых почках Петербурга, о «пьяном» подвале «Бродячая собака», куда съезжалась на ночь разношерстная богема и где «спич за спичем и об искусстве пламенный спор, насмешки над мешанством бычьим и над крестинами топор...»

Увлечаясь, Игорь Васильевич повествовал об Н. Н. Евреипове, о его устремлениях: театр — в жизнь. Особенно по душе была поэту книга «Самое главное», где Евреинов высказывал свои заветные чаяния.

В свое время Северянина пленила Вера Федоровна Комиссаржев-

ская — своей игрой, самоотверженным служением искусству. Посвящение ей он декламировал с большой охотой.

Поэт с любовью рассказывал об Александре Блоке, приславшем ему книгу «Ночные часы». Между прочим, я видел и этот сборник, и дарственную надпись Блока:

«Игорю Северянину — поэту с открытой душой».

В Тойла, среди книг поэта, этот сборник находился на почетном месте.

Игорь Васильевич восторженно вспоминал о встречах с В. В. Шульгиным, которому посвятил несколько стихотворений. Так, «Портрет Даринки» и «Двадцать восемь серпантин» (сборник «Адриатика», издан в Нарве) навеяны совместным путешествием по Сибири.

Мы взбираемся на Ловчен,
Мы бежим под облака,
Будь на поворотах ловче,
Руль держащая рука!..

Впоследствии, когда я беседовал с Василием Витальевичем Шульгиным, он много говорил лестного в адрес Северянина, считал его наиболее русским поэтом, а некоторые его стихи о России — гениальными.

Даря мне журнал «История СССР» № 6 за 1966 год, где напечатаны фрагменты из его книги «Годы» и мастерски набросан портрет П. А. Столыпина, Василий Витальевич промолвил: «Жалко, что эту главу не может прочесть Игорь Северянин...»

Между прочим, находясь в заключении, Шульгин написал воспоминания о поэте и его жене Ф. М. Круут, чей легкий иностранный акцент придавал особую прелесть северянинским стихам в ее исполнении. Эти воспоминания хранятся в особой тетради в ЦГАЛИ и ждут опубликования.

С сыновьей любовью рассказывал Игорь Северянин о Федоре Сологубе, о его жене Анастасии Чеботаревской, об их салоне в Петербурге, совместном турне по югу России.

Надо признаться, что мне не было скучно с Северяниным, он — превосходный рассказчик-юморист. То, что в стихах носило трагический характер, например, «В долине Неретвы» (повествует о пережитом в Сибири крушении поезда), приобрело в пересказе Игоря Васильевича комические оттенки. Запомнилось, Северянин сообщает жене, что, кажется, поезд скользит в бездну. «Тогда Фелисса достает спокойно зеркальце и пудрится... «Ну, ежели умирать, так хочется предстать перед Всевышним в более пристойном виде...»

Вот так, с бесчисленными рассказами о Петербурге, о выступле-

Пюхтицкий монастырь, где бывал Игорь Северянин.

ниях по городам России, о встречах с известными писателями, певцами, художниками, с неизменной удочкой в руках Северянин приводил спутников в Пюхтицы. Улов по обыкновению дарил инокиням.

В лирике поэта мы находим десятки стихотворений, написанных в Куремяэ и о Куремяэ. В этом смысле особенно знаменательна книга «Классические розы». Перелистывая этот сборник, то и дело встречаешь стихи о стремлении поэта, отрицув скверну, поспешить под утешающую сень обители. Вслушаемся в строки...

В ПУСТЫЕ ДНИ

Бывает: сразу станут дни пусты.
Рянь стихнет в них. Я складываю книжки.
И тридцать верст иду без передышки
В свой девичий озерный монастырь.

Идти лесными тропками легко,
Бесчисленные обходить озера,
Идти не очень тихо и не скоро,
Дышать сосной и влагой глубоко.

К закату возникает монастырь.
Мне шлют привет колокола вечерни.
Все безнадежнее и все безмерней
Я чувствую, как дни мои пусты...

Удивительной нежностью пропитан зимний пейзаж опушенной
снегом обители.

Заголубеет первозимок,
Снежинка сядет на плечо, —
Тогда меня неотразимо
К нагорным соснам повлечет.

И в лес путем голубоватым
В час лучезарящейся мглы
Шагну по полушубку ваты
Зимы безудержностью лыж.

... По вызеркаленным озерам,
В них образ скользкий отразив,
Помчусь, как снизившийся ворон,
Куда ведут меня стези.

Они ведут — в закате бронза,
И сосны гор се пестрят, —
На озеро — дев слезы — Конзо
У женского монастыря...

Так и видится высокая, несколько долговязая фигура Игоря Северянина... Мы приближаемся к стенам... Автор чуть ли не топографически точен в одном из стихов, описывая предстоящий перед нами Пюхтицкий монастырь.

Ко всенощной зовут колокола,
Когда в путь вышедшие на рассвете,
Мы различаем в далих монастырь.

У башенки зубчатого кремля,
Воздвигнутой над позаросшим скатом,
Свернув с пути, через калитку мы
Вступаем в монастырь...

Однако прежде чем войти в обитель, мы сворачиваем с дороги к монастырскому источнику. Осенив себя широкого размаха крестным знаменем, Северянин входил в обжигающую стужу родника. Неожиданное ощущение дарило это купание, после которого буквально токами по телу расходилась знойная теплота.

Об этом мне вспомнилось недавно. Как-то, под Успенье я встретился в обители с девушкой, увлеченной творчеством Марины Цветаевой. Она с воодушевлением рассказывала, что, сопровождая сестру поэтессы Анастасию Цветаеву в монастырь, видела, как эта отважная девятилетняя женщина бестрепетно вступила в ледяную стужу родника.

... Итак, в соборе тишина, прохлада. Перед чудотворной иконой Пюхтицкой Божией матери — негасимые лампы, проникновенно поет хор инокинь.

В стихотворениях столько автобиографических и характерных строк, черт, присущих тому периоду жизни Северянина, свидетельство о попытках найти выход из мучивших его противоречий в «тиши обители сестер».

Близ Пюхтицкой обители, а ныне в ее ограде, находится домовая церковь Сергиевская и продолговатое строение с цветными стеклами — летняя резиденция губернатора С. В. Шаховского, скончавшегося в 1894 году. Он похоронен в склепе под церковью. Рядом с князем погребена его вдова Елизавета Дмитриевна, рожденная графиня Милютина (1844—1939), старшая дочь военного министра России генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина (1816—1912). Эта женщина удивительной судьбы отличалась таким же долголетием, как и ее отец, товарищ Михаила Юрьевича Лермонтова по Московскому благородному пансиону. Он же был первым редактором великого русского поэта.

В свое время, бывая в Пюхтицах, мы непременно навещали ее. Северянин любил читать ей свои новые произведения. Елизавета Дмитриевна получила блестящее образование. Фрейлина императрицы, она много путешествовала, была со своим отцом в Париже при дворе Наполеона III.

Когда началась война за освобождение славян, она отправилась на Балканы сестрой милосердия, где и встретила со своим будущим мужем, математиком, князем С. В. Шаховским. Вскоре после их бракосочетания Сергей Владимирович был назначен губернатором в Эстляндию.

С детства Елизавета Дмитриевна любила литературу. В доме отца она слушала драму «Смерть Иоанна Грозного» в исполнении автора — Алексея Константиновича Толстого. Встречалась с Писемским, Фетом. Лев Николаевич Толстой консультировался с ее отцом — выдающимся военным историком —, работая над романом «Война и

мир». В доме дяди, Николая Милюткина, воспетого Н. А. Некрасовым, Елизавета Дмитриевна присутствовала на чтении А. Н. Островским драмы «Гроза». Будучи передким ее гостем, я по свежей памяти записал «показания» свидетельницы истории. В последнее десятилетие ее долгой жизни зрение Елизаветы Дмитриевны значительно ослабло, и она просила меня читать вслух избранные страницы прозы и поэзии. Чтение перемежалось рассказами радушной хозяйки об ее отце, о деятелях культуры, с которыми она была знакома. Ее воспоминания позволяли живо представить атмосферу того времени.

Симпатии Елизаветы Дмитриевны однако были всецело на стороне Ф. М. Достоевского.

Не раз Елизавета Дмитриевна читала для нас стихотворения Пушкина в манере Достоевского: проникновенно, с долгими паузами, напевно.

Вполне возможно, что беседы с современницей великого романиста навеяли на Северянина мотив стихотворения, неразрывно связанного с его пребыванием в монастыре.

Воспоминания эти пришли мне на ум недавно, когда я, перелистывая изданный в 1988 году в Москве сборник стихов Северянина, увидел посвящение Достоевскому, знакомое по лучшей зарубежной книге поэта «Классические розы» (Белград, 1931 г.)

Молитва

ДОСТОЕВСКОМУ

Благочестивого монастыря
Гостеприимство радостно вкушая,
Я говорю: «Жизнь прожита большая,
Неповторяемая на земле!»
Все находимое порастерял,
И вот слезами взоры орашая,
Я говорю: «Жизнь прожита большая...»
Проговорил — и сердцем обомлел:

Большая жизнь, но сколько не знал:
Мелькают страны, возникают лица
Тех, о которых некому молиться,
Кто без молитвы жил и постарел...
Чем дальше жизнь, тем явственнее сигнал,
С кем из неизвестных суждено мне слиться?
О всех, о ком здесь некому молиться,
Я помолюсь теперь в монастыре...

Темы для разговоров в ходе совместных походов были разными. Однажды, когда мы приближались к Пюхтицкому монастырю, Игорь Северянин поведал, что именно в этих краях у него возник замысел «Солнечного дикаря». Это было в 1923 году.

В утопической поэме автор как будто предугадывает изобретение атомной бомбы и его неисчислимые пагубные последствия. В ней Северянин чуть ли не предрекает одну из подоснов Нюрнбергского процесса.

...Правительство, посмевшее войну
Другому объявить, достойно казни
И граждане, слиянные в волну,
Могли б его не слушать без боязни,
Немедленно его арестовав,
Как явно сумасшедшее правленье...

Игорь Северянин написал эту поэму, не печатавшуюся при его жизни, на излюбленном им озере Ульясте. Публикатор «Солнечного дикаря» В. Т. Адамс, поместив в пятидесятые годы эту поэму в «Записках Тартуского университета», оснастил «Дикаря» любопытнейшими комментариями.

Объективный ход истории несомним и обязывает не скрывать — многие художники слова были далеко не чужды веры отцов...

Одним из любимейших церковных праздников Игоря Северянина была Пасха. Она навевала ему дорогие воспоминания о родном Петербурге.

В доме у нас перед Пасхой всегда царила предпраздничная суэта. Мы со старшим братом ходили на цыпочках — в дежке поднималось тесто для куличей. В столовой на блюде колосился, зеленея, под увлажненной ватой, заранее высеянный овес. В него укладывались разноцветные яйца. Брат и Игорь Васильевич оформляли писанки на яйце. Под рисунками старательно выводилась надпись: «Ради праздника Христа поцелуй меня в уста!». На кухне сохла объемистая пасопицца с вырезанными на тыльной стороне буквами Х и В. Ко дню Пасхи поэт вернулся домой в Тойла и уже оттуда мы получили от него поздравительное письмо и приложенное к нему стихотворение.

ПАСХА В ПЕТЕРБУРГЕ

Гиацинтами пахло в столовой,
Ветчиной, куличем и мадерой,
Пахло внешнею Пасхой Христовой,
Православною русскою верой.

Пахло солнцем, оконною краской
И лимоном от женского тела,
Вдохновенно веселою Пасхой,
Что вокруг колокольню гудела.

И у памятника Николая
Перед самой Большою Морскою,
Где была из торцов мостовая,
Просмоленную пахло доскою.

Из-за вымытых к празднику стекол,
Из-за рам без песка и без ваты,
Город тонал, трезвонил и цокал,
Целовался, восторгом объятый.

Было сладко для чрева и духа.
Юность мчалась, цветы приколовши.
А у старцев, хотя было сухо,
Шубы, вата в ушах и калоши.

Поэтичность религии, где ты?
Где поэзии религиозность?
Все «бездельные» песни пропеты,
«Деловая» отныне серьезность.

Пусть нелепо, смелно, глуповато
Было в годы мои молодые,
Но зато было сердце объято
Тем, что свойственно только России!

Поэт, живя за пределами родины, тосковал по России.

Один из любимых писателей Игоря Северянина — Лесков. Как-то поэт спросил у меня — читал ли я «Шерамура». Н. С. Лескова я изучал с большим рвением и мог поддержать разговор о писателе на неожиданном для собеседника уровне. Более того, я сказал, что вполне разделяю мысли Игоря Северянина, выраженные им в стихотворении «На закате»:

...А какие в них ритмы! А какая в них залежь
Слов ядерных и точных русского языка,
Никаким модернистом ты Лескова не свалишь
И к нему не посмеешь подойти свысока.

Достоевскому равный, он прозванный гений,
Очарованный странник катакомб языка!..

Поэт Г. А. Шенгели.

И вновь перед нами скалистый берег Тойла.

В 1927 году, отвечая на пришедшее из Москвы письмо своего друга Г. А. Шенгели, Игорь Васильевич так описывает рабочий поселок Тойла и его окрестности:

«...Этийская природа очаровательна: головокружный скалистый берег моря, лиственные деревья — Крым в миниатюре. Сосновые леса, 76 озер в них, трудолюбиво и умело возделанные поля. Реки с форелями. Да, здесь прелестно. У меня своя лодка («Ингрид»), я постоянно на воде, ужу рыбу. В 1921 году женился на эстонке. Ее зовут Фелиссой...».

В моем архиве десятки писем Игоря Северянина к Шенгели. По воле Георгия Аркадьевича, эти письма поэта были переданы мне женой профессора — Ниной Леонтьевной.

В письмах из Тойла Игорь Васильевич рассказывает о своих трудах и днях, сообщает Георгию Шенгели о том, что вспоминал его в

1925 году в Праге, «гуляя по парку с Евгением Николаевичем Чириковым».

С кем же еще из русских писателей виделся Игорь Северянин на Западе? «...За эти годы, — повествует в письме поэт, — побывал трижды в Берлине, где жил от месяца до трех, давая вечера. Встречался там с Кусиковым, Пастернаком, Маяковским, Толстым, Шкловским, Минским, Венгеровой...» В том же письме Северянин рассказывает и о других своих гастролях. «...Ездил в Финляндию, Латвию, Литву, Польшу (13 городов), Чехо-Словакию. Везде вечера, иногда очень шумные и многолюдные».

В письме от 22.XI.1927 года автор просит прощения у своего друга-москвича за опоздание с ответом и объясняет:

«...Не особенно давно я вернулся из поездки по Латвии: гастролировал семь дней подряд в Риге, дал вечер в Двинске, по пути в Латвию — в Юрьеве... Успех всюду прежний, залы переполнены. Про был в отсуствии двадцать пять дней».

В том же послании — отклик на сообщение о смерти любимого Северяниным Федора Сологуба:

«...За эти годы столько смертей знакомых и каждая из них — отмирание частицы самого себя. М. б. вскоре уже нечему будет отмирать, и это будет смертью собственной: пожалуй, единственная собственность, свойственная живущему... Смерть Ф. К.^х — сильный удар для меня. Сбылись предчувствия. Иначе, впрочем, и быть не могло: теория вероятности. Теория, страшная своей неспреложностью. Леденящая. Я написал четыре статьи, очень обширных: «Эстляндские триолеты Сологуба», «Салон Сологуба» и «Умер в декабре», в последней я цитирую его стихи: «В декабре я перестану жить». Это воспринято было им 4.XI.1913 г. Кетати, Лесков («Обойденные») говорит: «Замечено, что день 5.XII — день особенных несчастий». Сологуб умер 5.XII».

Дело в том, что в своем триолете «Очарования земли», написанном в Петербурге 4 ноября 1913 г., Сологуб говорил:

«Каждый год я болел в декабре.
Не умею я без солнца жить.
Я устал бессонно воровать.
...Тьма меня погубит в декабре.
В д е к а б р е я перестану жить».

В письме, отправленном 10.III.1928 г., Игорь Васильевич сообщает Шенгели, что он вернулся в Тойла пятого марта из Польши и продолжает:

х) Федор Кузьмич Сологуб.

«...Посэдка длилась полтора месяца и утомила меня и жену...

Я дал три вечера в Варшаве, прочел в Польском Литературном обществе доклад об эстонской поэзии, дал один вечер в Вильню и выезжал в Латвию, в Двинск, к одному местному поэту (русскому), человеку обязательнейшему, усилению меня звавшему к себе».

О пребывании поэта в Двинске с женой мне подробно рассказывал упомянутый в письме писатель — Арсений Иванович Формаков. В том же письме Игорь Северянин говорит: «...В Варшаве мы пробыли ровно три недели, гостя у одного весьма популярного в Польше адвоката — поэта, переводчика «Евгения Онгина» (целиком конечно). В Вильню оставались девять дней. Заезжали еще на два дня в Ревель, где был объявлен мой очередной вечер, на день в Юрьев к милому поэту Правдину...»

В переписке писателей затем наступило затишье (с 28-го по 40-й год). Думается, это было вызвано тем, что Г. А. Шенгели, которому приходилось в те годы туго, также, впрочем, как и многим другим советским писателям, вынужден был прекратить переписку с границей. Написал Георгий Аркадьевич Северянину лишь осенью 1940 г., после советизации Эстонии. В ответ на эту весточку Игорь Северянин пишет:

«...И я очень рад, что мы с вами теперь граждане одной страны. Я знал давно, что так будет, я верил в это твердо. И я рад, что произошло это при моей жизни: я мог не дожидаться: ранней весной я перенес воспаление левого легкого в трудной форме...»

За этим письмом следуют десятки других, в которых Игорь Северянин рассказывает Шенгели о своей трудной жизни, о болезнях (читать эти строки грустно), благодарит Георгия Аркадьевича за его помощь и поддержку. Шенгели добился того, что советские журналы и газеты стали заказывать Игорю Северянину стихотворные переводы, а также публиковать многие стихи в Москве.

Переписка поэтов продолжалась до конца жизни Северянина. О том, как дорог был Игорь Васильевич Шенгели, свидетельствует написанное им 15.III.1942 г. взволнованное посвящение поэту.

НА СМЕРТЬ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

*Милый Вы мой и добрый!
Ведь Вы так измучились...
Игорь Северянин*

Милый Вы мой и добрый!
Мою Вы пригрели молодость
Сначала просто любезностью,
Там — дружбою и признанием;

И пыле, седой и сторбленный,
сквозь трезвость и сквозь измолотость,
Я теплою Вашей памятью
с полночным делюсь рыданием.

Вы не были, милый, гением,
Вы не были провозвестником,
Но были Вы просто Игорем,
горячим до самозабвения,
Влюбленным в громокипящее,
озонных слов кудесником, —
И Вашим дышало воздухом
погибшее мое поколение!

Я помню Вас под Гатчиной
на Вашей реке форелевой
В смешной коричневой курточке
с бронзовыми якорчками;

Я помню Вас перед рампами,
где бурно поэзы пели Вы,
В старомодный сюртук закованы
и шампанскими брызжа строчками.

И всюду — за рыбною ловлею,
в сиянии поэзоконцертовом —
Вы были наивно уверены,
что Ваня жена — королевочка,
что друг Вань будет профессором,
что все на почте конверты — Вам,
Что самое в мире грустное
— как в парке плакала девочка.

Вы — каплей чистой радости,
Вы — летней яснейшей радуги,
Играя с Гебою ветреной,
над юностью плыли нашею,
И нет никого от Каспия,
и нет никого от Ладоги,
кто, слыша Вас, не принес бы Вам
любовь свою полной чашею...

Искренность этих строк предельна, тем более, что стихотворение написано для себя, в стол... Ведь Шенгели не мог в те годы и предпо-

лагать, что его отзыв на смерть Игоря Северянина увидит свет в советской печати. Слишком одиозной фигурой был тогда, да и долгие десятилетия спустя, Игорь Северянин, которого в СССР старались не вспоминать, а если и упоминали, то уничижительно.

Летом дачный поселок Тойла оживал. Здесь проводили свой отдых эстонские писатели и художники. Тойлаский берег вдохновенно воссоздавал на своих картинах чудесный эстонский художник Г. Рейндорф. Поэта навещал эстонский эссеист Фридеберт Туглас, оставивший воспоминания о русском поэте. Гостил у Северянина даровитый эстонский лирик Хенрик Виснапуу, переведший на эстонский несколько стихотворений Игоря Северянина. Жена Хенрика — Хильда или, как он ее называл, «Инг» была подругой Фелиссы Михайловны Лотаревой. В Тойла, в парке Ору, Игорь Васильевич встречался с великолепной эстонской поэтессой Марие Ундер и ее мужем — драматургом Артуром Адсоном.

Часто в Тойла наезжали писатель Йоханнес Семпер и его друг Йоханнес Варес-Барбарус. Здесь бывал романист Аугуст Гайлит. Кстати, в 1987 году журнал «Юность» опубликовал репродукцию фотографии, подпись к ней гласит, что на террасе дворца Елиссеева запечатлены Игорь Северянин и «неизвестный». Этот «неизвестный» не кто иной, как известный эстонский писатель А. Гайлит.

Конечно же, частыми гостями Северяниных были их шаферы — Б. В. Правдин, Аугуст Алде. Бывал в Тойла В. Адамс и автор этого эссе.

Безусловно, нельзя умолчать о жене поэта — Фелиссе Круут, иначе мы бы последовали примеру В. А. Рождественского, который в предисловии к избранному собранию стихотворений Игоря Северянина, вышедшему в 1975 году в Ленинграде, не говорит ни слова о ней. Там также не найти упоминаний о Тойла, сняты и авторские пометы о месте написания стихов. И сделано это не столько по неведению, а по другой, более тягостной причине...

В игре — женщина, выходки которой (об этом Всеволод Александрович рассказывал мне) отравляли ему жизнь: «Ни слова о Фелиссе, иначе...» — угрожала последняя спутница жизни поэта В. Коренди престарелому автору вступительного слова.

Дочь тойлаского плотника Фелисса Круут — жена Игоря Северянина — взяла на себя добровольно, говоря языком театральных штампов, весьма скромное амбула. Фелисса Михайловна после замужества решила жить в тени славы своего знаменитого мужа. Статная, с лебединой шеей, с серо-стальными глазами, эта «дочь моря» (см. стихотворение Игоря Северянина «Смерта») была на людях молчалива, сдержанна...

Однажды, когда Игорь Васильевич отправился в Иарва-Йыэсуу на какие-то именины, Фелисса Михайловна, по моей просьбе, читала

свои стихи, эстонские и русские, которые она писала чаще всего «в стол». Слушая эти стихотворения, я размышлял: видимо, прав был Северянин, который в очерке о стихах Фелиссы Круут говорил, что они напоминают японские танки.

Конечно, ее стихи, сочиненные на родном языке, более совершенны, но и написанные по-русски не лишены прелести.

Думается, все попытки прибегнуть к умолчанию относительно значения Фелиссы Круут в жизни и творчестве Игоря Северянина обречены на провал. Она не только единственная его законная, венчанная жена и мать его единственного сына, но и в полном смысле вдохновительница, муза поэта. Ей посвящены книги Игоря Северянина «Фея Eiole» и «Менестрель». Множество посвящений рассеяно по страницам и других его сборников. Это не только превосходные циклы любовной лирики, но, пожалуй, высшие достижения Игоря Северянина в этой области. Среди прочих я имею в виду и великолепное стихотворение, которое не могу не процитировать здесь:

ОТЛИЧНОЙ ОТ ДРУГИХ

Ты совсем не похожа на женщин других:
У тебя в меру длинные платья,
У тебя выразительный сдержанный стих
И выскальзывание из объятий.

Ты не красишь лица, не сгущаешь бровей
И волос не стрижешь в жертву моде.
Для тебя есть Смирнов, но и есть соловей,
Кто его заменяет в природе.

Ты способна и в сахаре выискать «соль».
Фразу — в только намекнутом слове...
Ты в Ахматовой ценишь бессмысленную боль,
Стилистический шарм в Гумилеве.

Для тебя, для гурманки стиха, острота
Сологубовского триолета,
И, что Блока не поцеловала в уста,
Ты шестое печалишься лето.

А в глазах оздоравливающих твоих —
Ветер с моря и поле ржаное.
Ты совсем не похожа на женщин других,
Почему мне и стала женою.

Дмитрий Смирнов.

Нужно ли к этим строфам пояснения? К сожалению, да. Начнем с того, что в стихе не просто Смирнов, каких без числа на Руси, а великолепный русский певец Дмитрий Алексеевич Смирнов, премьер Мариинской оперы, выступавший несколько сезонов в «Ла Скала», «Гранд Опера», «Метрополитен», гастролировавший чуть ли не по всему миру, в том числе и в Эстонии. Фирма «Мелодия» выпустила недавно шесть дисков, посвященных Д. А. Смирнову. Тем, кто, подобно автору этих строк, слышал в театрах и концертных залах Дмитрия Смирнова, все понятно и без комментариев. Кстати, Д. Смирнов — любимый певец Ф. М. Круут, любимый ее поэт — А. Блок.

Фелисса Михайловна была страстным книголюбом. Понравившегося ей писателя она стремилась изучить досконально.

Перед гастрольной поездкой на Запад Игорь Северянин с женой обычно приезжали в наш университетский город Тарту, где устраивали генеральную репетицию своих вечеров в присутствии друзей. На поэзоконцертах Игорь Северянин исполнял не только свои стихотворения, но и переводы из эстонских поэтов, после чего Ариадна Изумрудная (такое сценическое имя изобрел Фелиссе Круут ее муж), одетая в эстонский национальный наряд, с чудесной брошкой на груди, исполняла те же произведения в оригинале.

Маршрут своих гастролей Игорь Северянин детально разрабатывал в Тойла, отдавая предпочтение тем городам, где, по собранным им сведениям, жила наиболее многочисленная колония российского рассеяния.

Об Игоре Северянине — как исполнителе — написано немало, как в России, так и за ее пределами. У него был мощный голос, богатый оттенками. Недаром Игорь Васильевич был троюродным братом знаменитой певицы Евгении Константиновны Мравинской (по сцене Мравиной). В родстве с ним и прославленный советский дирижер Евгений Александрович Мравинский, об этом я не нашел ни строчки в статьях о поэте... Кто только не писал о песенной манере исполнения стихов Игоря Северянина! Но грампластинки с голосом поэта я не встречал. Известный собиратель голосов писателей москвич Л. Шиллов расспрашивал меня об этом. Но я не мог его ничем порадовать. Правда, в моем архиве хранится уникальная потная запись основных мелодий, на которые Игорь Северянин исполнял свои стихи. О том, как я стал ее обладателем, расскажу чуть подробнее...

Однажды в середине шестидесятых годов в Таллине в моей квартире раздался звонок... Неожиданный посетитель назвался Сергеем Федоровичем Дешкиным... автором музыки пионерского гимна «Взвейтесь кострами, синие ночи...». Петь этой популярной песни я, конечно, видел, но без имени автора музыки (бывает, конечно, и наоборот — песни без слов...). Замечу, что Сергей Федорович провел более двух десятилетий не в пионерских лагерях... Музыкант рассказал

Линда Круут — основательница музея И. Северянина в Тойла. 1981 г.

мне: реабилитирован, член Союза композиторов. Однако в Эстонию приехал именно к пионерам. И... оттого, что «здесь похоронен мой любимый поэт Игорь Северянин».

В благодарность за теплый прием С. Ф. Дешкин записал для меня на память основные мелодии, сочиненные Игорем Северяниным, на которые он пел, конечно, без всякого аккомпанимента, свои известные поэмы. С. Ф. Дешкин, давний поклонник Игоря Северянина, ходил на концерты поэта в 1917 и 1918 годах в Политехнический музей в Москве.

Надо сказать, однако, что в последние десятилетия своей жизни

Игорь Северянин отказывается от песенной манеры исполнения своих стихов и переходит к новому стилю — выразительному, художественно полновесному чтению. Я не раз бывал на вечерах поэта и восхищался, как и многие другие слушатели, его умением передать внутреннее содержание созданных им произведений. Об этом, к сожалению, сравнительно мало известно.

В эмиграции Николай Оцуп писал в свое время о «легком дыхании» поэзии Игоря Северянина. Слышавшая в 1931 году в Париже выступление поэта Марина Цветаева говорит в своем неотправленном письме Игорю Северянину: «...От всего сердца вчерашнего зала — благодарю Вас, дорогой... Вы выросли, Вы стали простым^х, Вы стали поэтом больших линий и больших вещей. Вы открыли то, что отродясь Вам было приоткрыто — природу...»

В середине тридцатых годов в Прибалтике, в качестве пианиста, концертировал Сергей Прокофьев, знакомый с моей матушкой, Любовью Тимофеевной, по Петербургу. После концерта композитор у нас ужинал. Разговор зашел о Северянине, об его «поззоконцертах» в старой России. «Среди слушателей Северянина было всегда много музыкантов, композиторов, певцов», — сказал Прокофьев. Он добавил, что слушал Северянина и в залах Парижа и Берлина. Сергей Сергеевич прочел наизусть несколько стихотворений Игоря Северянина. По мнению Прокофьева, у Северянина имелись зачатки композиторского дарования, в его стихотворениях, как выразился Сергей Сергеевич, присутствует контрапункт.

В преддверии столетия со дня смерти А. С. Пушкина не только в Советской России, но и за рубежом, в том числе и в Эстонии, широко отмечалась эта дата.

В Тарту с докладом о Пушкине выступил профессор Густав Сйтс, ученик Георга Брандеса. Вышел том Пушкина в переводе эстонских поэтов. Пишущий эти строки переводил на эстонский произведения русских классиков. Между прочим, на торжественном вечере в университете прозвучал среди других стихотворений и мой перевод «Черной шали».

Игорь Северянин читал у нас в доме свое посвящение «Пушкин — мне». При жизни автора оно не печаталось. Не могу преодолеть искушения познакомить читателя с этими стихами.

ПУШКИН — МНЕ

Сто лет, как умер я, но, право, не жалею,
Что пребываю век в загробной мгле,
Что не живу с Наташей своєю
На помешавшейся земле.

х) подчеркнуто Мариной Цветаевой.

На банкете в честь И. А. Бунина в Таллинне.

За столом справа налево: И. А. Бунин, поэт Х. Виснапуу, И. Северянин, директор Русской гимназии А. Пешков, артист и режиссер Русского театра Л. Эберг.

Уж и тогда-то, в дни моей эпохи,
Не так уж сладко было нам
Переносить вражду и срам
И получать за песни крохи.

Ведь та же чернь, которая сейчас
Так чтит национального поэта,
Его сживала всячески со света,
Пока он вынужденно не угас.

Но что за этот век произошло —
Настолько горестно и тяжело,
Настолько безнадежно и убого,
Что всей душой благодарю я Бога,
Убравшего меня в мой час с Земли,
Где столько мерзостного запустенья,
Что оживи мы, трупы, на мгновенье,
Мы и его прожить бы не могли.

Дивиться надо: как же ты живешь,
Перед твоим терпеньем преклоняться
И царственного уважать паяца,
Свет правды льющего в сплошную ложь.

Не унывай! Терпи! Уделом это
Спокойствие вдов нежданных людей,
Вернись домой, не дело для поэта
Годами жить без Родины своей!

Вообще пушкиниана Северянина весьма разнообразна и заслуживает внимания.

Огромным событием для Прибалтики было в 1938 году литературное турне лауреата Нобелевской премии Ивана Алексеевича Бунина. В качестве его переводчика, я бывал у него, беседовал с ним, принимал участие в банкетах в Тарту и Таллинне в честь великого писателя.

В тридцатые годы Ивана Алексеевича воодушевлял замысел написать монографию о Михаиле Юрьевиче Лермонтове, и по рекомендации литератора Л. Ф. Зурова, жившего многие годы в Прибалтике, Бунин написал мне, прося рассказать о связях поэта с Эстонией. Я тут же, обстоятельно ответил ему, назвав воспитанника Дерптского университета Р. Беннинггаузена, который посвятил свой перевод «Героя нашего времени» и «Мцыри» Борису Икскюлю, причем именовал его другом Лермонтова.

Упомянул я и о Владимире Соллогубе, известном писателе, который, приглашая В. Ф. Одоевского посетить университетский Дерпт, добавил: «Я подраю тебе разные автографы, между прочим, мои стихи, исправленные рукою Лермонтова». Сообщил также о том, что, насколько мне известно, «лермонтовский тайник» хранится в архиве Е. Д. Шаховской-старшей дочери товарища Лермонтова Д. А. Милютина. В течение своей долгой жизни Дмитрий Алексеевич собирал материалы о гениальном поэте.

Видимо, данные, которые я сообщил Бунину о Лермонтове, живо его интересовали. В то время я сотрудничал в альманахе «Новь», выходящем в Таллинне. По моей просьбе Иван Алексеевич прислал «Нови» свою фотографию с дарственной надписью, она была опубликована в очередном номере. О своем приезде в Тарту Бунин известил меня. О выступлениях писателя в Каунасе, Риге и Двинске мне писали мои знакомцы.

Русское население Прибалтики видело в Бунине одного из наиболее выдающихся представителей современной литературы. Родная речь, которую в условиях зарубежья мы берегли как зеницу ока, в творениях писателя пленяла редкостной выразительностью и чистотой. Литовцы, латыши и эстонцы, получившие образование в русской

школе, читали Бунина в оригинале. В печати Прибалтики появилось множество статей о русском писателе — лауреате Нобелевской премии.

В середине тридцатых годов в Тарту гастролировал знаменитый русский актер Михаил Александрович Чехов, племянник Антона Павловича. Будучи у нас в гостях, великолепный мастер сцены повел речь о Бунине и дал высокую оценку исполнительскому таланту Ивана Алексеевича. Эти рассказы подготовили меня к восприятию Бунина-чтеца.

5 мая 1938 года в 2.30 Бунин прибыл в Тарту из Латвии. Встречали его многочисленные почитатели. От имени эстонских писателей именитого гостя приветствовал Ф. Туглас.

В Тарту Иван Алексеевич остановился в лучшей гостинице «Гранд отель». Здесь я побывал у писателя. Бунин интересовала эстонская литература, о которой я охотно поведал писателю и прочел переведенные мною на эстонский его стихотворения.

Ивану Алексеевичу понравилось звучание эстонского языка, и он попросил написать на память его стихи в моем переводе.

В те дни, когда Бунин находился в университетском городе, в Тарту приехал виднейший эстонский прозаик А. Х.-Таммсааре. Профессор Г. Суйте пригласил Ивана Алексеевича на банкет в честь эстонского писателя. Здесь я познакомил Бунина с Таммсааре.

Сопровождал я писателя и во время его посещения Тартуской университетской библиотеки. Здесь я был свидетелем особой любви И. А. Бунина к старопечатным книгам. Иван Алексеевич в Тарту посетил потомка Ф. М. Булгарина. Вячеслав Болеславович показывал писателю рукописи и книги из архива его деда, в числе их — «Горе от ума» Грибоедова с посвящением Ф. В. Булгарину.

Побывал я с И. А. Буниным на могиле Марии Андреевны Протасовой, которая приходилась ему родственницей. Эту женщину — музу В. А. Жуковского (также выходца из рода Буниных) — Иван Алексеевич читал. Ведь се, по преданию, считали прототипом Татьяны Лариной. Любя Жуковского, Мария Андреевна, по настоянию матери, вышла замуж за Ивана Филипповича Мойера.

Иван Алексеевич выступал в Тарту в театре «Ванемуйне», а затем выехал в Таллинн. Здесь на узловой станции Тапа состоялось его знакомство с Игорем Северяниным.

Вот как впоследствии вспоминал поэт об этом в газете «Русский Вестник» (№ 6, август 1939 г.)

МОЯ ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С БУНИНЫМ

«10 мая 1938 года я поехал из Саркюла в Таллинн на лекцию Бунина, совершавшего поездку по государствам Прибалтики. В России и в эмиграции я лично с ним никогда не встречался. Закусив в буфете, я

вышел на перрон. В это время подошел поезд из Тарту. Из вагона второго класса вышел среднего роста худощавый господин, бритый, с большой проседью, в серой кепке и коротком синем пальто с поднятым воротником: накрапывал дождь. Я сразу узнал Бунина, но еще медлил к нему подойти, он же, заложив руки в карманы, быстро прошел мимо меня, внимательно приглядываясь, затем сделал несколько шагов и круто повернул. Я приподнял фуражку:

— Иван Алексеевич!

— Никто иной, как Игорь! — было мне ответом.

— Выглядите молодцом. — оживленно продолжал он, постукивая пальцем по вагону (очевидно, чтобы не сглазить): загорелый, стройный, настоящий моряк.

— Однако, жизнь не из легких...

— Во всяком случае, во много раз легче, чем в Париже. И одет лучше наших, и в глазах — море и ветер.

— По чтобы и в природе жить, нужно иногда в город ездить и по квартирам книги свои людям навязывать: в магазине, знаете ли, не очень-то покупают.

— Еще и еще раз молодец! Хвалю за энергию. В наше время так и надо, кто хочет жить. Однако, куда вы едете?

— «Па Вас». Значит в одном направлении с Вами.

— Ну, идем тогда в вагон.

— Позвольте: Вы во втором, я — в третьем.

— Тогда пойдете в вагон-ресторан: нейтрально.

Поншли. Сели. Поезд тронулся.

— Что нить будем? Вино? Пиво?

— Вино здесь дорого, да и не хочется сейчас, пива не люблю.

— Пу что же тогда?

— Чаю.

— Чай?! Северянин?! Ха-ха-ха!

Однако заказан чай. Подан...

— Встречаете Бальмонта^х? — спрашиваю я Бунина. — Поправился?

— Поправился. Болезнь его изменила: раньше очень многоречив был, теперь почти все время молчит. Изредка реплику вставляет.

— Это, может быть, иногда и лучше.

— Возможно.

Здесь я пропущу целый ряд интимных вопросов и таких же ответов на них.

— Пишете стихи? Читаете? — спрашиваю я.

— Почти не пишу. «Жизнь Арсеньева» кончаю. А что значит

х) В 1937—1939 гг. К. Д. Бальмонт сильно болел, об этом он сообщал в письмах в Эстонию.

«читаете»? Свои публично или чужие про себя?

— Свои публично.

— Что вы, батенька! Смешно, право. Кому? Да и годы не те.

— Рады, что опять па севере?

— Терпеть его никогда не мог. Взгляните в окно: тошно делается. Дождь, холод. Все серо, скучно.

— В свое время любили Орловскую губернию. Оку...

— Любил в стихах. Издали. Всегда к югу тянуло. В Одессе жил. Путешествовал^{х)}.

— Поседемте после завтрашней лекции ко мне в Саркул на Рос-сонь. Две реки, озеро, море, леса. У меня лодочка своя — «Дрипа». Понравится.

— Устал ужасно от своего турне. Везде чествования, люди. Домой хочу — во Францию. Прочту в Таллинне — и по домам.

Публика нас узнала. Шушукались, стало неприятно.

— Узнают, Иван Алексеевич.

— Вижу. Ну, и бог с ними.

— Подъезжаем. И так, до завтра. Пойду в свой пролетарский вагон.

— Почему? Вместе выйдем из этого самого. Впрочем, у меня вещи. Хотя их и потом взять можно. Сейчас встречать будут.

— Оттого-то я и испаряюсь. Не хочу быть «с бока-припека». Привык, чтобы меня самого встречали. Конечно, в новых краях.

— Ха-ха! Понимаю. Ну, как хотите. Заходите в отель.

— Нет, уж я лучше прямо на лекцию, а потом на банкете встретимся.»

Иван Бунин — один из любимейших поэтов Северянина. О нем Игорь Васильевич говорит во многих своих стихотворениях, в романе «Рояль Леандра» и т. д.

На торжественном банкете в честь И. А. Бунина, в таллиннской гостинице «Золотой Лев», Игорь Северянин прочел свой сонет, посвященный именитому гостю.

БУНИН

В его стихах — веселая капель,
Откосы гор, блестящие слодою,
И спетая березкой молодую
Песнь солнышку. И вешних вод купель.

Прозрачен стих, как северный апрель,
То он бежит проточною водою,

х) И. Бунин, как и А. П. Чехов, любил мистифицировать своих собеседников, говорил так, что не понягь: серьезно или в шутку.

То теплится студеною звездой.
В нем есть какой-то бодрый трезвый хмель.

Уют усадеб в пору листопада,
Благая одиночества отрада.
Ружье. Собака. Серая Ока.

Душа и воздух скованы в кристалле.
Камин. Вино. Перо из мягкой стали.
По отчужденной женщине тоска.

Игорю Северянину я дарил свои сборники стихотворений «Третья встреча», «Вне», книгу «Около», том моих переводов из Густава Суйтса, вышедший в издательстве «Ноор Ээсти».

В 1939 г., по приглашению ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей), я побывал в Ленинграде и Москве. Естественно, что поэта интересовали мои впечатления о родной стране.

Как-то в середине тридцатых годов в Тарту я говорил Игорю Васильевичу, что ему следует написать воспоминания, рассказать о совместных его выступлениях с Маяковским. Теперь, во время моего пребывания в СССР, я был поражен его культом здесь, особенно в Москве. Это побудило меня вновь настаивать на том, чтобы Игорь Северянин написал о В. Маяковском воспоминания. Вскоре они были написаны, однако, первый вариант их показался мне чересчур легковесным и несколько экстравагантно-интимным, о чем я тут же, без утайки, сказал автору. В дальнейшем Северянин несколько переработал свои воспоминания.

Этот мемуарный очерк был опубликован в 1988 году в журнале «Таллинн».

В 1939 году наша семья переехала в Таллинн, Игорь Северянин часто посещал нас на улице Лембиту, 8, недалеко от оперного театра «Эстония». Бывая у нас, Игорь Северянин не скрывал от моей мамы того тягостного положения, в котором он очутился, покинув Тойла.

Не оформляя развода с Ф. М. Круут, Игорь Северянин сошелся с некой В. Б. Коренди. Вскоре поэт убедился, что совершил огромную ошибку, что между ним и этой женщиной мало общего.

Знакомые Игоря Северянина относились с большой симпатией и уважением к Ф. М. Круут (об этом пишет, например, в своих воспоминаниях, опубликованных в третьем номере журнала «Звезда» за 1969 год А. И. Формаков). Приглашая Игоря Северянина, друзья поэта категорически отказались принимать В. Б. Коренди. В те времена на адюльтер смотрели вообще косо.

Замечу, что, оставив свою жену, Игорь Северянин почти перестал писать стихи. Ему нечего было печатать.

Меня нередко навещают ценители поэзии Игоря Северянина, просят рассказать о поэте, показать его книги и фотографии. Среди снимков в моем северянинском альбоме есть и редкостные.

Разговор часто заходит о вечере, организованном в честь 35-летия литературной деятельности Игоря Северянина в уютном зале Дома Братства Черноголовых. Это было, вероятно, последнее публичное выступление поэта. Вечер, состоявшийся 14 марта 1940 года на улице Пикк, глубоко врезался в моей памяти. Выступала знаменитая певица эстонка Милица Корьюс (хорошо известная зрителям по фильму «Большой вальс»), на скрипке играл Роман Матсов (ныне дирижер, народный артист Эстонии), у рояля Сергей Прохоров (заслуженный артист Эстонии), Юри Когер и многие другие.

Сам виновник торжества читал свежо, блистательно. Начал Игорь Северянин выступление известным стихотворением, которое положил на музыку А. Н. Вертинский и своеобразно исполнял на своих концертах в Прибалтике.

КЛАССИЧЕСКИЕ РОЗЫ

В те времена, когда роились грезы
В сердцах людей, прозрачны и ясны,
Как хороши, как свежи были розы
Моей любви и славы и весны!

Прошли лета, и всюду льются слезы...
Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране...
Как хороши, как свежи были розы
Воспоминаний о минувшем дне!

Но дни идут — уже стихают грозы.
Вернуться в дом Россия ищет троп...
*Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!*

Затем прозвучали

СТИХИ МОСКВЕ

Мой взор мечтания оросили:
Вновь — там, за башнями Кремля —
Неподражаемой России
Незаменимая земля

.....

Вдохновенно прочел Игорь Северянин одно из своих самых заветных стихотворений. (Для правильного исполнения произведений Игоря Северянина надо помнить, что поэт ставил подчас в одном слове два ударения: могущественные..., величественные...)

Любовь! Россия! Солнце! Пушкин! —
Могущественные слова!..
И не от них ли на опушке
Нам распускается листва?

И молодост не от них ли
Стареющая молодежь?
И не при них ли в душах стихли
Зло, низость, ненависть и ложь?

Да, светозарны и лазорны,
Как ты, весенняя листва,
Слова. чьи звуки чудотворны,
Величественные слова...

Никогда, ни до того, ни после (хотя я посещал выступления многих выдающихся чтецов), я не испытывал на себе такой силы воздействия слова. Раздумывая о том, в чем тайна Северянина-исполнителя, я пришел к выводу: сила его влияния на публику — в искренности, в том, что он свято верил в каждое свое слово, в его предельной убежденности в том, что он сам — сын великого народа. Стихи о России звучали в устах поэта словно заклинания, завораживая слушателя. Было в Северянине нечто от таких великих вокалистов, как Федор Иванович Шаляпин или Дмитрий Алексеевич Смирнов.

Богатство интонаций, переходов, восторг и потки иронии, волнуемая доверительность... Боюсь, что моя оценка Северянина-чтеца может показаться несколько преувеличенной. Мне хотелось бы, чтобы меня правильно поняли современные читатели. Для этого следует сказать, что пишущий эти строки присутствовал на вечерах Шаляпина, Смирнова, Северянина не в России, а за ее пределами.

В тот вечер в уютном зале Братства Черноголовых Игорь Северянин околдовал слушателей стихами о России.

В адрес юбиляра пришло немало поздравлений из разных стран (но ни слова из родного города на Неве).

В антракте поэт подошел ко мне: «Эх, встретить бы этот день в России...»

Я прошептал Северянину: «В зале несколько советских дипломатов...»

Советское полпредство в Эстонии помещалось в те времена на ул. Пикк, 19, почти напротив Дома Братства Черноголовых. Накануне юбилея я, зайдя в полпредство, пригласил видного советского дипломата В. Б. Бочкарева на вечер поэта.

Воспоминания об этих днях иллюстрирую одной из последних фотографий (см. стр. 14).

Последние годы жизни поэта, когда он расстался с Фелиссой Михайловной, были омрачены тоской по любимой женщине, болезнями, материальными лишениями. Все осложнялось еще и тем, что Игорь Васильевич, убежденный антиурбанист, вынужден был жить со своей последней спутницей В. Б. Коренди и ее дочерью Валерией от Порфирия Коренева в городе Пайде. Вскоре его настигли недуги, и этот несокрушимый богатырь стал сдавать.

14 сентября 1937 года Игорь Васильевич писал своей доброй знакомой А. Д. Барановой в Стокгольм: «... не забывайте, что Вера^х имеет от мужа пятилетнюю дочь... Да, наше положение тяжелое... не хватает самого необходимого».

В письме от 11.VII.1938 года той же корреспондентке, не раз оказывавшей ему значительную материальную помощь, Северянин признается: «... Я в полном одиночестве. Горчайшую нужду терплю... Конечно, я ничего ровню не пишу... Болезнь сердца: застарелый аппендицит, сердце изношено... Одышка, головные боли частые и жгучие...»

Подобными же сетованиями перенасыщены многочисленные письма к Шенгели: в них нужда соседствует с недугами.

Так, в письме из Пайде 20.III.1941 г. Игорь Северянин признается своему другу: «... У меня, например, единственный пиджак, в котором без пальто и на улицу не выйдешь: глянец повсюду...» 17.I.1941 г.: «... Климат Paide ужасен: всегда сырость большая, удушьящая и давящая...»

«Минутами я чувствую, что не вынесу безработицы, что никогда не оправлюсь в этом климате, в этой комнате, вообще — в этих условиях. Душа тянется к живому труду, дающему право на культурный отдых. Последние силы иссякают в неопределенности, в сознании своей ненужности. А я мог бы, мне кажется, еще быть полезен во многом своей обновленной родине! И нельзя жить без музыки, без стихов, без общения с тонкими и проникновенными людьми... А здесь — пустыня, непосильный труд подруги и наше общее угасание. Изю дня в день... Моя нечеловеческая бодрость, выдержка и жизнерадостность всегданняя порою (и часто-часто) мне стали изменять».

х) В. Б. Коренди.

Живя с В. Б. Коренди, Северянин шлет душераздирающие письма жене, просит Фелиссу Михайловну простить его, рассказывает о мучительной жизни с В. Б. Коренди. Эти письма сохранились, они находятся в Тарту в Эстонском литературном музее.

Присоединение Эстонии к Советскому Союзу пробудило в душе поэта надежды на опубликование его стихов в Москве. Игорь Васильевич даже стал грезить о гастрольных поездках, но тяжелый недуг помешал Игорю Северянину не только осуществить эти радужные планы, но и выехать в тыл, когда началась война.

Перед эвакуацией я заехал в Нарву. Здесь мне сообщили о беспомощном положении Игоря Васильевича. Я отправился в Нарва-Йыэсуу со своим приятелем — журналистом Василием Григорьевичем Чертовым. Свидание папе было радостным: мы составили с Игорем Васильевичем несколько телеграмм и отправили их в Москву и Ленинград, умоляя о помощи.

Зная мои добрые отношения с поэтом Йоханнесом Варесом-Барбарусом, первым премьером Советской Эстонии, тяжелобольной Северянин попросил меня рассказать ему обо всем и похлопотать о транспорте.

На другой день я отправился на Крепгольмскую фабрику, где тогда находилось правительство ЭССР, с просьбой к Варесу-Барбарусу оказать Северянину помощь. Но фашисты уже рвались к Нарве, и ни о какой автомашине не могло быть и речи.

На следующий день я вновь у поэта. Запомнился тот вечер, проведенный с Игорем Васильевичем. Закатные лучи озаряли комнату, где лежал поэт. Он жаловался на одиночество, заброшенность, вспоминал о своих былых триумфах в Петербурге, о том, как студенчество рукоплескало его стихотворению «Восторгаюсь тобой, молодежь».

О войне Северянин говорил с большим волнением. Он и мысли не допускал, что немцы одолеют Россию.

Мог ли я думать, что этот вечер — моя последняя встреча с поэтом.

В 1942 году в качестве литературного сотрудника Государственных Художественных ансамблей Эстонской ССР, базировавшихся в древнем Ярославле, я часто бывал в командировках в Москве. Здесь я встречался со многими деятелями литературы: бывал у Н. П. Асеева, его книга с добрым автографом и сейчас стоит на моей полке в соседстве со сборником стихотворений Анны Андреевны Ахматовой — ее подарок к моему пятидесятилетию. В беседах со мной Николай Николасвич, стихотворения которого я переводил на эстонский язык, расспрашивал меня об Игоре Северянине, говорил о том, что этот поэт, особенно его стихи, написанные в эмиграции, оказали на него большое влияние.

Показывавший мне свою уникальную библиотеку — собрание книг русских поэтов в первоизданиях — профессор И. Н. Розанов

Могила Игоря Северянина на кладбище Александра Невского в Таллинне.

продемонстрировал и редкостный сборник Игоря Северянина, отмечая большой вклад поэта в русскую лирику.

По окончании войны и лагерного срока я вернулся в Таллинн, где узнал о кончине Игоря Северянина 20 декабря 1941 года в Таллинне (эту дату следует подчеркнуть, ибо в 1988 г. вышло две книги избранных стихотворений Северянина: первая — в Северо-Западном издательстве, во вступительной статье кандидаты филологических наук В. А. Кошелев и В. А. Саногов говорят (стр. 19), что поэт умер 22 декабря 1941 года; во второй — изданной «Советской Россией», во вступлении, подписанном опять-таки В. А. Кошелевым, дается та же дата смерти — 22 декабря. Таким образом, книги, выпущенные общим тиражом в 350 тыс. экземпляров, с легкой руки последнего щедро продлили жизнь Игоря Северянина на два дня).

Игорь Северянин похоронен в Таллинне на старинном Александрo-Невском кладбище на центральной аллее, слева от входа. На скромной мраморной плите выбиты две последние строки из стихотворения «Классические розы»:

«Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб».

Бывая часто на Александро-Невском кладбище — здесь похоронены мой дядя (инспектор народных училищ), скончавшийся в 1913 году, мои родители и множество друзей и знакомых, — непременно иду поклониться могиле поэта. Эти посещения навеяли на меня строки стихотворения «Игорь Северянин в Эстонии» (1986 г.)

Прихожу сюда белою ночью.
Над могилой укропной твоей
В светлых сумерках звонко рокошет,
Воспевая любовь, соловей.

Сколько лет ты в Эстонии прожил.
Среди рек и пустынных озер
Стал талант твой и глубже и строже,
Проницательней — скорбный твой взор.

Мы с тобою бродили у моря,
За утесом вздымался утес.
Тойла нежила сердце простором,
Восторгало нас Ору до слез.

Бороздя европейскую карту,
Ты изведаль превратностей вкус.
Навещал ты и Нарву, и Тарту —
Древний город науки и муз.

Соловьи не смолкают почные
И встают предо мною в ночи
Неоглядные дали России,
Незакатного солнца лучи!

Жена поэта Фелисса Михайловна скончалась в 1957 году.

Ее старшая сестра Лида Михайловна — свояченица Игоря Северянина — сохранила кабинет поэта в том же виде, в каком он был и при его жизни.

На стене — портрет Федора Сологуба, работа К. Сомова, справа от окна — снимок Ольги Гзовской с дарственной надписью, слева — фотография с автографом певицы Лидии Липковской, с которой поэт неоднократно выступал на своих вечерах.

За стеклом в шкафу — снимки тех, кого любил Игорь Северянин.

В ящичке шкафа — крестильная рубашка поэта, ей уже более ста лет... В нижнем ящичке — книга К. Д. Бальмонта с дарственной в стихах. В том же шкафу икона с изображением одноименника Игоря

Кабинет Игоря Северянина. 1977 г.

Северянина — святого князя Игоря. Читая о жизни его, Игорь Васильевич находил в нем немало общего со своей судьбой. Икона-талисман, с которой поэт не расставался во время поездок, также хранится в Тойла. Игорь Васильевич искренне считал, что она избавила его от гибели во время крушения поезда, от землетрясения, от нападения взбешенной истерички в Кишиневе. Северянин повторял: это то, что спасает от «труса (землетрясения), потопа, огня, меча, нападения иноплеменников, междоусобной брани и смертоносной язвы...»

На столе, за которым Игорь Северянин создал столько произведений, — фотография их вдохновительницы — Фелиссы Круут-Лотаревой. На стенах домика висят картины эстонской художницы Агаты Вебер — подруги Фелиссы Михайловны, также картины талантливых живописцев — Андреева Егорова и Анатолия Кайгородова — близкого друга поэта.

Почитатели Северянина заходят не только в домик — гуляют по парку Ору, воспетому поэтом, любуются рекой Пюхайыги, впадающей прямо в залив. Правда, дворец Елисеева взорван во время второй мировой войны, но ландшафт, разнообразие пород деревьев и кустарников не могут не восхищать. Сколько здесь сортов одной сирени,

какие трели выводят соловьи! Тойла незабываемо-прекрасна именно весной.

Приезжие северянинолюбы посещают тойлаское кладбище. Здесь похоронена мать поэта — Наталия Степановна, его жена — Фелисса Михайловна Круут-Лотарева. Над могилой вспоминаются посвященные ей северянинские стихи:

Как хорошо, что вспыхнут снова эти
Цветы в полях, под небом голубым!
Как хорошо, что ты живешь на свете
И красишь мир присутствием своим,

Как хорошо, что в общем внешнем шуме
Милей всего твой голос голубой,
Что, умирая, я еще не умер
И перед смертью встретился с тобой!

Здесь же похоронены и родители Фелиссы — Михкель и Лийна. Старшие сестры Фелиссы — Линда и Ольга — покоятся невдалеке от нее.

На том же кладбище похоронена дочь Игоря Северянина, родившаяся в 1913 году и названная в честь Валерия Брюсова Валерией.

Возле домика поэта местные книголюбы воздвигнули памятный камень, надпись на котором гласит, что здесь жил в течение долгих лет Игорь Северянин.

Многим хочется побывать на озерах, воспетых Игорем Северяниным, в Пюхтицком монастыре.

Но не у всех есть в запасе время, не все даже знают: где же находится Тойла, как съехать туда, если у тебя нет личной автомашины. Предпочтительнее отправиться поездом до Йыхви, а оттуда — на автобусе до Тойла. Можно, конечно, съехать из Таллина автобусом до Йыхви и даже до стен монастыря.

Большинство поклонников вынуждены ограничиться поездкой в Таллинн, где почти в самом центре города расположено старинное кладбище.

В 1987 году исполнилось сто лет со дня рождения Игоря Северянина. У нас в Эстонии эту памятную дату известного русского поэта отметили достойно.

Особое отношение эстонской общественности к Игорю Северянину вызвано не столько тем, что он провел в Эстонии почти половину своей жизни и похоронен в эстонской земле, посвятил немало стихотворений Эстонии, «стране моей второй», сколько тем, что он — один из первых переводчиков на русский язык эстонской поэзии. Назову некоторые переводы с эстонского:

В. Адаме и Р. Лейвальд на юбилее Северянина. 1977 г.

Х. Виснапуу. Аморес. Предисловие Александра Кусикова. Москва, 1922.

Поэты Эстонии. Антология за сто лет. Изд. В. Бергмана. Тарту, 1929.

М. Ундер. Предцветенье. Изд. автора. Таллинн, 1938.

А. Ранниг. В оконном переплете. Таллинн, 1938.

Х. Виснапуу. Полевая фиалка. Нарва, 1939.

А. Ранниг. «Via dolorosa». Издательство «Северные огни». Стокгольм, 1940.

Вообще, о переводческой деятельности Игоря Северянина надо бы поговорить подробнее. Но ограничусь тем, что скажу: многими литературоведами переводы Северянина не воспринимаются всерьез, мол, переводчик, за малым исключением, либо не стремится, либо не умеет передать в переводе своеобразие поэтов. Многие из них оказались в его переложениях «осеврянинскими», очень похожими по манере, стилю, языку на самого переводчика...

Что касается эстонских авторов, то тут можно усмотреть несколько, на мой взгляд, причин: не очень глубоко знал историю эстонской

литературы, выбирал стихотворения, наиболее близкие ему внутренне, своих друзей и хорошо знакомых. Прожив долгие годы в Эстонии, Игорь Васильевич плохо знал эстонский язык и переводил поэтов республики по подстрочникам Фелиссы Круут. Но за Игорем Северяниным бесспорно остается заслуга первооткрывателя: он был первым, кто столь широко познакомил русских читателей с эстонской поэзией. Игорь Северянин — поэт особенный, неповторимый, не похожий на других. И пусть он не является мастером перевоплощения, однако имеет смысл «переворонить» наследие Северянина-переводчика, и мы встретим среди всякого рода «оссеверяненных» стихов подлинные жемчужины.

К столетию со дня рождения поэта таллинское издательство «Ээсти Раамат» выпустило в свет томик стихотворений Игоря Северянина на эстонскую тематику. Вскоре вышло и второе издание этого сборника, составленного эстонским литературоведом Рейном Круусом и профессором Сергеем Исаковым.

В Русском драматическом театре в Таллине на вечере, посвященном юбилею поэта, выступали московские, ленинградские и таллинские чтецы, исполнявшие произведения Игоря Северянина. Приняли участие в этом торжестве писатели, литературоведы, в том числе и я. В Риге также проводились вечера в его честь, а в городе на Шекене, где учился Северянин, организовали специальную конференцию. Прошли вечера и в Нарве.

К памятной дате издан томик «Венок поэту», содержащий стихотворения различных писателей, посвященные Северянину.

В стихотворении Вадима Шефнера особенно четко выражено мнение современных писателей о Северянине. Несколько строк из него:

ПОЗДНЯЯ РЕЦЕНЗИЯ

.....
Одним он казался почти гениальным,
Другим — будуарно-бульварно банальным...
Шаманская сила в поэте бурлила,
На встречи с ним публика валом валила...

.....
И те, что хулили, и те, что хвалили,
Давно опочили, и сам он в могиле.

.....
Но все же под пеплом и шлаком бывшего
Живет его имя, пульсирует слово, —
Сквозь все многослойные напластования
Мерцает бессмертный огонь дарования.

К сожалению, стихи Игоря Северянина не издавались вообще в

Советском Союзе более полувека. Но в 70-е лед тронулся... В Ленинграде, Москве, Архангельске, других городах появились объемные сборники стихов поэта.

Живя в отрыве от родины, Северянин всегда оставался русским писателем, и главная его тема — Россия. Недавно были напечатаны замечательные стихи — раздумья о судьбе народа. К примеру,

НАРОДНЫЙ СУД

Я чувствую, близится судное время:
Бездушье мы духом своим победим,
И в сердце России пред странами всеми
Народом народ будет грозно судим.

И спросят избранники, русские люди,
У всех обвиняемых русских людей,
За что умертвили они в самосуде
Цвет яркий культуры отчизны своей.

Зачем православные Бога забыли,
Зачем шли на брата, рубя и разя...
И скажут они: «Мы обмануты были,
Мы верили в то, во что верить нельзя...»

И судьи умолкнут с печалью любовной,
Проверив себя в неизбежный черед.
И спросят: «Но кто же зачинщик виновный?»
И будет ответ: «Виноват весь народ.

Он думал о счастье отчизны родимой,
Он шел на жестокость во имя Любви...»
И судьи воскликнут: «Народ подсудимый!
Ты нам не подсуден: мы — братья твои!

Мы — часть твоя, плоть твоя, кровь твоя, грешный,
Наивный, стремящийся вечно вперед,
Взыскующий Бога в Европе кромешной,
Счастливым в несчастье, великий народ.»

Охватить всех, с кем встречался Игорь Северянин у нас и за рубежом после 1918 года, нелегко. Но таких широких задач автор и не ставил, кратко пересказав о тех и том, чему был сам свидетель.

ОПЕЧАТКИ

	Напечатано	Следует читать
стр. 14, строка 2-я	А. Домашев	А. Долгашев
стр. 31, строка 12-я сверху, строка 6-я снизу	Сибири	Сербии
стр. 47, строка 13 снизу	Ф. М. Булгарин	Ф. В. Булгарин
стр. 50, строка 18 снизу	Густав Сйтс	Густав Суйтс
стр. 60, 7-я строка снизу	Андреева	Андрея

21

Юрий Шумаков — один из старейших в Эстонии литераторов. Петербуржец по рождению (18.09.1914 г.), он обосновался в Эстонии. В 1937 году успешно окончил курс юридического факультета Тартуского университета, а в 1956-м приобрел в Ярославском пединституте квалификацию преподавателя немецкого языка.

Юрий Шумаков вырос в среде литературно-художественной. Уже в 30-е годы он был известен как литератор, творящий на стыке двух культур — эстонской и русской. За последние десятилетия Ю. Шумаков опубликовал и в эстонской, и в русской печати сотни историко-культурных статей и заметок о русско-эстонских литературных связях, о деятелях довоенной русской зарубежной культуры. Он перевел сборники стихов многих эстонских поэтов.

Пример редкого типа людей — билингвистов, Юрий Шумаков более 55 лет работает на ниве уникальной триязычной балтийской культуры и способен переводить и писать стихи на эстонском, русском и немецком. Особой страстью поэта, мемуариста, научного популяризатора стало творчество Федора Достоевского.

Юрий Шумаков многое сделал для увековечения памяти Игоря Северянина. Он был составителем его книг, автором предисловий и статей. Благодаря его трудам эстонский читатель впервые познакомился на родном языке с грузинским эпосом «Витязь в тигровой шкуре», армянской национальной поэзией, с творчеством украинского классика Тараса Шевченко, со многими стихами и поэмами Александра Пушкина и Михаила Лермонтова.

Ирина Барина, поэтесса.
Ярославль.